

СМЕНА

7

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

редакция

КОМСОМОЛЬСКАЯ

Слова Александра КУЗИНА.
Музыка Александра ГИНА.

Нам дорога к счастью Ленинским
Юности светлая нам партийной дана.
Как весенняя заря,
Сияет правда Октября,
И цветет наш край, Советская
страна.

Припев:

Комсомольцы,
Вы знамя,
Шаг роней!
Комсомольцы,
Запевайте веселей!
Поднимайтесь вместе с партией
в поход.

К коммунизмусу всех нас партия ведет!

Мы идем к победе верными
Мы несем народам мир и солнца
Силой ленинских идей
Мы поднимаем сердца людей.
Не умолкнет наша слава юных лет!

Припев.

Мы Отчизну возвышаем наше
Молодые сердца нара ей отдаем.
И в походах боевых,
В наших будних трудовых
Эту песню комсомольскую поем!

Припев.

Темп марша:

Нам до.рого к счастью Ленинским у.ла.ла. Юности светлая нам партийной дана. Как ве.
... си.ни за.зи св.тиг пра.да Октябрь., и це.тет на.ши кра. Советская страна.
Ком.са.
... мать, вы - не зна.шаг роней! комо.мальцы! За. пе. вай.те ве.се.ли! Гар.и.
... май.тесь вмес.те с партией в поход, к коммунизму всех нас партия ведет!
Лад!

Комсомольская песня, которую мы сегодня публикujemy, не обычное произведение. Это подарок от поколения комсомолу, Ленинскому комсомолу, советской молодежи.

Автор слов Александр Кузин — прошлом шахтинский рабочий. С 1917 года он связал свою судьбу с Коммунистической партией, с большевистской партией. Тов. А. А. Кузин — участник

Октябрьской революции, в годы гражданской войны, он организовал отряд Красной Гвардии.

Александр Моисеевич Гин — участник Февральской и Октябрьской революций. В годы Гражданской войны сражался на различных фронтах, командовал прорабатами в Башкирии.

Сейчас А. А. Кузин и А. М. Гин — персональные пенсионеры, участники Московского ходьбы в честь юбилея трех революций. Они пришли в радиостудию «Смены» вместе со своими боевыми товарищами — старыми большевиками. На снимке (слева направо): А. К. Сарандин, А. М. Гин, А. А. Кузин, М. О. Логинов и В. М. Козин. Снимают комсомольскую песню.

Е. Кибрин. Ленин приехал.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 7. 1957 год.

Год
издания
34-й

И. Левитан.

Владимира.

ИЗ ИСКРЫ...

М. ВЕЛИЧКО

1. ТРАКТ В «СТРАНУ ИЗГНАНИЯ»

У заставы Ильи, рядом с трамвайной остановкой, стоит старый, вросший в землю каменный столб. Обшарпанный ветрами и дождями, он вызывает недовление молодых москвичей: что могли бы означать эта древность и память? Но после реконструкции ялодощади? И только скромный изложник рабочий помнит, что ствол служил изгородью для двухглавого чугунного орла, а рядом с ним стояла полосатая будка полицейского: отсюда начиналась знаменитая «Владимирка» — первая верста пути на каторгу и в ссылку, в далекую, глухую Сибирь.

В 1917 году жители заставы кудахтели сбили эмблему самодержавия, сожгли будку по линейному Уделца и только тумбы верстового столба. Иначе никогда не состоялось шоу Энтузиастов, так называемой «Владимирки» в честь тех, кто некогда начинил тут кандаловый путь ради светлого будущего!

Владимирский тракт! Вступая на террицию другой губернии, он прививал ей имя и называлась Челябинским, Тобольским, Иркутским, Якутским... Но то были только звенья одного нескончаемого сибирского каторжного пути, который пролегал по российским просторам, пересекая Уральский хребет, тянулся сибирской равниной, вился в тайге, теряясь где-то в необъятных степях и просторах.

Каторжный тракт существовал с неизвестными временем. По нему шли на каторгу и в ссылку сподвижники Степана Разина и Емельяна Пугачева, участники многочисленных крестьянских бунтов и народных волнений, декабристы, патриоты, народники и, наконец, большевики — пролетарские революционеры, чьим алейным знамением стал марксизм.

Среди многих поколений ссыльных, поднимавшихся каторжной лестнице, были драматурги и мечтатели, писавшие мысли о будущем — писатели — Радищев, Петрашевский, Достоевский, Чернышевский. Этим путем следовали в сибирскую ссылку вожди и организаторы пролетарского революционного движения Ф. Э. Дзержинский, В. М. Молотов, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. В. Фрунзе, Е. М. Ярославский.

В 1897 году в далёком сибирское село Шушенское было создано Владимир Ильин, Ленин.

Дик и суров был путь ссыльных. Однажды, до этапа, от острога до острога, полосатые будки за верстовые столбы. Болота, тайга, стены, снова болота... И над всем этим унылым пространством немолчный звон кандалов да окрики конвойных:

— Эй, поспешай!

Облаченные в серые арестантские халаты, запахивавшиеся цепями, «государевые преступники» скреплялись молчанием, ждя «смены назначения». Минусинская долина или Енисейская тайга, естествы Иркутской или малой Туруханской тундры, диких степей Забайкалья или полукруглого края снежной Якутии.

То были те самые места, что в России назывались «стартарарами»: глушь, дичь, безмолвие. Тут свет времени шел не днями, а годами. Сосланные оказывались как бы захождеными погребенными. Горные хребты и непроходимые лесистые дебри отделяли их от культурных центров, от революционных настроений масс рабочих. Это была тюрьма без решеток и замков, весь ужас которой крылся в обретении мысли на бездействие.

Только за шестьдесят лет — с 1825 по 1885 год — в Сибирь «по указу» его императорского величества было сослано 773 тысячи человек, а к концу XIX века ежегодно ссыпалось до 20 тысяч революционеров.

Дореволюционную Сибирь называли «страной изгнания». Громадные пространства — дышавшие миллионами квадратных километров, склонные берега ствов нерд, лесов и рек были мало исследованы и почти не использовались. Царские чиновники и хищные купеческие хищники в этом краю

бесконтрольно, грабили сибирских крестьян и «изнородцев», выкачивали из Сибири золото, пушнину, сырье, хлеб... Беспризорные Сибирь, фабриками и заводами. Все сюда висели — от грозы до чайной чашки. Свою, местную промышленность составляли преимущественно салютоподрядчики и пимокатчики, свечные и мыловаренные заводчики.

Такой была «страна изгнания». В дебрях ее самодержавие пыталось похоронить человеческую мысль о лучшей доле, мысль о революции. Оппозиция, привыкшая к деспотизму в «стартарарах», зародившаяся в «стартарарах», надеялась, что захвачено потребление в «безлюдном и ужасном» Сибири не вернется на прежний путь: расстояние и годы убывают в них способность мыслить, сломят энергию, усмирят и образумят «бунтарей».

Но революционная мысль не угласала. Она жгла, расстилая теплом своим снега, помогая преодолевать страшные невзгоды изгнания.

Минув полвеков и чиновников, губернаторов и правителей, к декабристам на каторгу дошло послание Пушкина:

Во глубинах сибирских руд
Храните гордое терпение,
Не пропадает ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...

И в Россию вернулся ответ декабристов, полный веры в победу над деспотизмом:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...
Меч скучим мы из цепей
И вновь зажжем огни свободы,
И с нею принесем на царей,
И радостно вздохнущ народы.

Владимир Ильин в каганате разработал программу создания партии избранных. Девизом первой большевистской газеты, собирающей силы этой партии, он поставил вящие слова декабристов: «Из искры возгорится пламя».

2. ДОРОГОЙ ЭНТУЗИАСТОВ

Поезд мчит на восток, оставляя в стороне бытнейший сибирский катаргонный путь.

За Свердловском исполнены, что где-то здесь, у полога железной дороги, стоит каменный столб, отмечавший границы Европы и Азии. Пассажиры вспомнили:

— Где этот столб?

— Где тут начинается Азия?

Человек, раскладывавший на столике колбасу, макароны, хлеб, готовясь ужинать, невозмутимо сказал:

— Оставьте в покое этот столб.

— Как это оставить в покое? Ведь границу Азии переезжаем!

— А что такое Азия? — Человек заволивался с заспори, словно кто-нибудь с ним был не согласен... — Что такое сейчас границы Европы и Азии в нашей социалистической стране, я вас спрашиваю? Географическое понятие, не более! Это раньше была Европа и Азия. А теперь

А. Любинов.

Челябинский пересыльный пункт.

перь перевези вас с завязанными глазами по любую сторону столба, дай вам осмотреться, и, бывшь со заклад, не отгадаете, где вы находитесь: в Европе или в Азии!

Василий Иванович Торопов, так неожиданно и бурно вступивший в политику, вышел из комендантской «себе дома», в Тагку. Был он молод, то и стариком назвать его нельзя. Седина, пробивающаяся в буинах, вьющихся волосах, крунные, резкие черты продолговатого лица с широкими подвижными бровями и уловистые, с вазувшимися зелеными руками говорили, что человек этот за свою жизнь повидал многое и потрудился немало.

Как выяснилось из разговора, началом своей биографии он считает момент, когда он покинул родной дом, где вступил в Водоходную Ильмач и откуда он, молодой, отправился на фронт «быть белым гадом». Всю граждансскую войну Василий Иванович не снимал краснодармской шинели, пропагадавшей через всю Сибирь, очищая этот край от колчаковцев. Еще в те годы он полюбил сибирские просторы, остался здесь жить и торжественно трудился, преобразяя «страну изгнания».

Сейчас, во время нашего разговора, он, как страстный агитатор, буквально наступал, казыма, что в краю этом переменилось все: сибиряки — это и первьевые, и знатные, и хорошие люди, что Сибирь скоро «заткнет Америку за пояс».

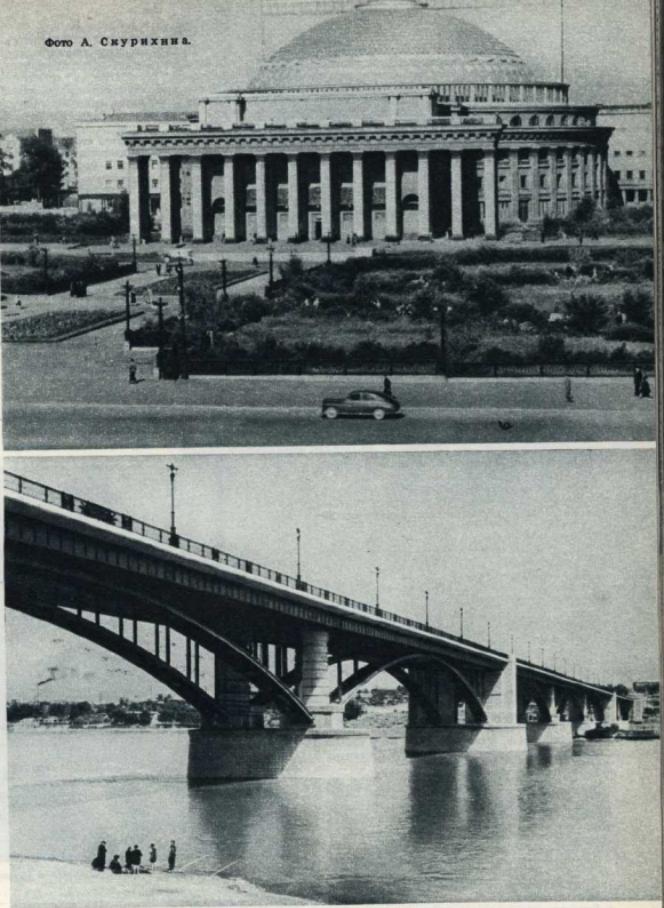
Весь же не осталось в Сибири ни одного села, где бы не говорилось радио. Да что радио! Недавно пришло мне побывать в таежной деревушке Березовке. Это самый отдаленный пункт Кыштовского района, километров шестьдесят на северо-запад от Новосибирска. По прежним понятиям глухое место медвежьего угла не придумали бы жители Березовки до революции: сплошь были неграмотные, не знали, где телефон есть, звонят, покалупста, в любой город. В каждой избе колхозника электричество, на животноводческих фермах электричество. Учитель рассказал, что однажды он провел интересную высторону в школе. Спрашивали школьников: «Что такое керосин?» Отвечают: «Горючее». А вот на вопрос «Что такое лучина?» не все ответили: не знают, что их родители в эти же дни жгли лучину, и не лучиной ли горят. Разговорились с бородатыми школьниками. Старший ребята добавили: «Ну, как живется, хлопцы?» «Ничего», — отвечают, — только вот деревня наша шибко отсталая». «То есть как это отсталая?» «А очень просто», — говорят. Вот в КыштVOKE уже давно звуковое кино пустыни, а у нас еще только собираются, никак не могут. Вот вам и глупые, — говорят они. Затвердили по учебнику: «Жизнь не стоит риге, а она — рига». Тогда передает, говорящего чисто: «Ныне сибирский колхозник интересуется решительно всем. Он и в политике и в агрономии разбирается... А вы — Азия! Вот то, что видел в Сибири Чехов... это была настоящая Азия, даже больше — азиатчика!»

Торопов достал из чемодана книгу и, листая ее, спросил:

— Хотите видеть прежнего сибиряка?.. Вот, почитайте, молодой человек, почитайте вслух. В один из корреспонденций Чехова, посыпанных из Сибири во времена поздней каторги, приводится рассказ о скучном крестьянине Петра Петровича: «Я вот скоро, пинут в газетах, что я жалею дорогу прошептят... — говорил он Чехову. — Скажите, господин, как же это так? Машину паром действует — это я хорошо понимаю. Но если, положим, ей надо через деревню проходить, ведь она ибо сломает и людей подавят! Угличине на пуховиках, Петр Петрович говорил о скучной жизни сибирского крестьянства, о том, что он сам не знает, для чего живет, потому что нет тут правды: что скучно, что скучно всегда может обойти боязнь посадить в тюрьму, а детям по миру пустить. «Знаний в метрике только записано, что мы люди, Петры да Андреи, а на деле выходят — волки».

Торопов чай. По кружкам, глубоким морщинами его высокого лба скатывались к вискам крупные капли пота. Василий Иванович помнил вымытый большим платком лоб, виски и шею. Когда закончили читать отрывок из Чехова, он опять загудел своим каким-то властным, наполняющим все купе голосом:

Фото А. Скурихина.

Новосибирск сегодня. На верхнем снимке — Новосибирский государственный театр оперы и балета, один из крупнейших в стране. На нижнем снимке — мост через Обь.

— Саросите выше сибирского колхозника: для чего он живет? О, он знает, для чего, прекрасно знает, и никакой Петр Петрович его не обидит! И никакой машины он не боится: у него и тракторы, и автомобили, и колхозы работают на колхозе, в крестьянской деревне жизни и понятия другие, — а прежде были!

Торопов, на зарямана старый, потертым портсигаром с изображением краснодармейца в пальме, погладил крашки и, закуривая, заговорил такие, как бы рассуждая о том, что, видимо, волновало его:

— В нынешнем году у нас, в Сибири, опять урожай богатый, трудно с ним управляться, так с юга к нам на самоделках комбайнеров перебросили в помощь. И никто в этом не считает ничего удивительного, обычное дело.

Эти эпитеты, эти изумления затускствовали из России на сибирские стройки, и опять ничего удивительного нет. На целинных землях Сибири пришла городская молодежь, с фабрик и заводов, от станка. Про ее геронич-

ские дела известно — подняли вековой пласт. Тут комсомол показал свою ленинскую душу; ничего не скажешь, рабочий дух там сковал...

— И что же вы называете национальной? — спросил юноша, выражая вопрос свое нетерпение.

Не горополись, молодой человек. Конечно, помнить целину нелегко, но при нашей технике можно и черта смернуть. А вот осети на этой целине, корицами в ее вести — труднее, куда труднее, чем вспахать поле... Стень, она и есть стень — кругом ни кола, ни дверя, ни жилья, ни бывальши...

— А палаты?

— Палаты? Что ж, палаты — жилье не кирпичное, подвалное. Видал я эту романтику и скажу прямо: хороша эта романтика в походе, а при оседлом жилье неба нужна. Новосел в палатке еще не житель, а только боен на трудахом фронте. А земля любит коренного жителя. Вот тут и есть главный вопрос романтики: пустят новоселы глубокие корни, или их, как иные палатки, ветром следут?

— Сомневается, значит?

— Не скрою, сомневаюсь... Да, сомневался сказку про злую болезнь ватель отглох от сердца. Помсогут я, как вспомнилось, виноваты в землю, и отглох. Доведено мое побывать в и целинных созохах, погибнуть, как люди строятся. Беседовал с целинниками. Отчаянный и гордый народ! Справившись: «Что же вы туши, хлопцы, строите?» «Город!» — отвечают и показывают на стены: тут у нас будет клуб, тут стадион, тут парк. Заглянув в землю через год — и глазам своим не поверил... Глубокие корни пускают новоселы: уже не одну садильбу ссыпали, уже родились дети, а там, где родился человек, место никогда забывать не будет...

Разговор затянулся до поздней ночи, а утром, уже где-то в Челябинском, Торопов сказал:

— В этих местах можно видеть бывший каторжный тракт. Он проходит почти рядом с железной дорогой.

За окном нашего вагона кружились неизгадимые, как океан, степные просторы. На горизонте они смыкались с прозрачным, чуть синеватым небом. В этих неоглядных пространствах то там, то здесь поднимались цистерны бензоколонок МТС, буеками подняли тректора, где виднелись стрельбы экскаваторов, за которыми вились облака пыли со свежими отвалами земли. Рядом с пологим железнодорожным трактом, то отделяясь, то приближаясь старый тракт. По нему мчались автомобили, тянувшись длинные обводы, груженные мешками.

— Хлеб идет! — гордо воскликнул Василий Ильинский. — Наш хлеб!

На полях работали комбайны. Кое-где на желтых пространствах они виделись черные заплаты только что всхапанной земли, и, как немременная примета новой, колхозной деревни, высилась круглая силосные башни.

Торопов долго молча смотрел в окно вагона и, когда начал заговорил про этап, про партии ссыльных, сказал:

— Вот они поднимали целину в умах, в душах и не жаловались на тяжелоти, как некоторые молодые люди теперь...

Василий Ильинский, видимо, опять собирался кого-то покурить, с кем-то поспорить, но его обрадовал неожиданный вопросом:

— Вы видели Ленина? Расскажите, какой он.

— Ленин? — Торопов весь как-то подался вперед. — Помните, как в книжарнике солдат открыл на твой вопрос? «Обыкновенный! Я, как и тот солдат, видел Владимира Ильинча всего один раз и, пожалуй, тоже могу только сказать: «обыкновенный!..» Что же тут рассказывать?

— Нет, расскажите, расскажите...

Торопов, видимо, хорошо знал историю Сибири, все, что связано с этим краем. Подумав немного, он заговорил о каторжном тракте, о том, как этой же дорогой ехал в ссылку Ленин.

3. ЗДЕСЬ ПРОЕЗЖАЛ ЛЕНИН

Вот так же, как и мы, смотрел на этот тракт Владимир Ильич, ехавший шестьдесят лет тому назад в сибирскую ссылку. Только вагон был попроще — третьего класса, и пейзаж, открывавшийся из окна, был сурошим. Поеzd и до обигона партии колодников и склонов, прикрытая лицом от колючих поземок, они бредли по земле, посыпавшейся степи — обнинование, такие же белые, как мрамор. Орели, отмечая тысячи верст, к местам назначения.

Это видение, как кошмар, явилось, утихло Владимир Ильинч. Ему, перенесенному воспоминанию легких и еще не окрепшему, департамент полиции разрешил следовать в ссылку не по этапу, а на свой счет, по проходному свидетельству. С этим «документом» он должен был прибыть в Иркутск и там получить назначение для жительства в одном из населенных пунктов Восточной Сибири. Где и каким образом?

По дороге, в станции Самара, Владимир Ильинч встретился с В. М. Крутовым, активным деятелем «Общества友爱者» Екатеринбургской губернии, возглавляемым Красногвардейцем. «Я пошел в буфет», — рассказал позже Крутовский об этой встрече — «сел к отдельному столику и заказал чай. Вдруг к нему

же столику подсаживается маленький пассажир, просит лакея подать ему чайник и перо, а затем пишет адрес на конверте: Петербург, А. М. Калмыков.

Тогда я сразу сообразил, кто это, и, обращаясь к Владимиру Ильинчу, сказал:

— Ты, вишь, — Ульянин! Очень рад познакомиться.

Владимир Ильинч вскочил со стула, руки же протянул и сердитым голосом ответил:

— Вы что, сыщики?

— Совсем нет. По адресу я вижу, что вы Ульянин, который едет в Красноярск и о котором мне говорили А. М. Калмыков. Я давно вас высыпал на поезд и вот сейчас случайно только наткнулся на вас, а то мы вместе доехали бы до Красноярска, не зная друг друга.

В Самаре они перешли в новый, прицепленный к вагону, устроились в одном купе, в первом ряду, между ними разгорелся горячий спор. Узнав, что склонник примикает к народническому кружку, Владимир Ильинч обратился к нему весь силой склоннической аргументации, громы политических позиций и взгляды народников. Крутовский то защищался, то пытался перейти в наступление, повторяя нападки народников на марксистов, но Ленин обладал неподражаемым оружием логики и фактов, и только новая партия ссыльных, которую замечала пассажиры на тракте, отвлекла внимание Владимира Ильинча от дебатов. Приняв к стеклу своим высоким

представлялась взору Владимира Ильинча: в самом Красноярске стояло несколько унылых стационарных бараков, за которыми тянулась за та же голая степь; на правом берегу Оби строился поселок, а за ним виднелась тайга.

2 марта 1897 года Владимир Ильинч перебрался на правый берег Оби. Короткая часы ожидания поезда на Красноярск, он писал матери:

«Пиши тебе, дорогая мамочка, еще раз с даром. Очередная здесь большая, делать нечего, и я нечего привезти паки и паки за дорожное письмо — третью по счету. Ехать еще есть остается две суток. Я доехал сейчас на лошадях через Обь и волы увезены до Красноярска... 700 верст мы простояли две суток. Дальше, за Красноярским, движение есть только до Канска, т. е. на 220 верст, а всего до Иркутска около 1.000. Значит, придется ехать на лошадях... если придется. На эти 220 верст железной дороги уходит тоже сутки: чем дальше, тем тише подуют поезды...»

Несмотря на дважды медленность первоэвакуации и утешение орлогой несравненно меньше, чем ошибки Морозова, скажут, даже, что вовсе почти не утомлен. Этого мнили странно, ибо прежде, бывало, какие-нибудь 3 суток от Самары до Сиби и то изматывают. Дело, вероятно, в том, что я здесь все ионы без исключения прекрасно сплю... Мороз крепкий: больше 20°, но переносятся он несравненно легче, чем в России. Я бы не сказал, что здесь

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Шушенском». С картиной художника Тютюкова.

збом, он пристально вглядывался в повуры фигуры, а когда партия исчезала из виду, опускался на скамейку и долго сидел молча, по-трепасанный.

— Идут ловить соболей! — тихо замечал спутник Ленина.

— Как вы сказали? — словно пробуждалась от тяжелого сна, спрашивал Владимир Ильинч.

— Это у нас, в Сибири, так говорят о следующих по этапу. Идут ловить соболей... на новую мантию царю!

— ...на новую мантию?.. Гм... Гм... Только не все будут добывать мантию. Найдутся и такие, которые выбросят ноги в тиранам. И это будут марксисты!.. Да, да, не народники, а марксисты!

С пути Владимир Ильинч писал матери:

«Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю (1 300 верст от Челябинска до Красноярска, тroe суток), поразительно однообразны: голова и глахая степь. Ни жилья, ни городов, очень редко деревни, и зеркало лес, а то все степь. Снее и не беда, и в течение всех трех дней».

В Красноярске В. И. Ленин пришелся сойти с поезда: мост через Обь тогда еще не был достроен и на правый берег надо было перебираться на лошадях. Грустная картина

20°. Сибиряки уверяют, что это благодаря «мягкости воздуха, которая делает мороз гораздо легче переносимым. Весьма правдоподобно».

Наконец подали состав, и Владимир Ильинч со своим спутником сели в одном вагоне, и снова расспросы об условиях жизни в Восточной Сибири, о политических настроениях сибирской интеллигенции переродились с вспышками споров. Еще за три года до ссылки Ленина в Петербурге была нелегально издана его книга «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Теперь Владимир Ильинч с глубоким знанием вопроса громко Крутовского, пытающегося отстоять рациональные взгляды «друзей народа», доказывал, что развитие промышленности капитализма рождает рабочую массу, революционный класс — пролетариат, мещанство капитализма и создатель нового общества.

Поезд шел медленно. Наступала ранняя, дружная весна. Недавно сооруженная железнодорожная насыпь оттавала на солнце и оседала. Почти на каждой станции поезд проставлял часами: грузили дрова в тендер паровоза или ждали ветреного.

В беседах и спорах со своим спутником Владимир Ильинч почерпнул много полезных

и необходимых сведений. Кругутовский рассказал о правах криминального полисейско-сборщика народного губернаторства, включая полномочия Ленина с Красноярском и его достопримечательностями, в числе которых фигурировала и библиотека купца Юдина. Он же подал мысль о том, что нелюдо было бы получить разрешение генерал-губернатора отыскать ссылку в южной части Енисейской губернии, где и климат не так суров и отдаленность не так чувствуется, как в «страве Иркутской».

У станции Боготол железнодорожный путь опять встречался со знаменитым Московским трамваем, шедшим параллельно ему до самого Красноярска. И опять страшные видения терзали Владимира Ильича: по тротуару, раскапнувшись длиной цепочкой, в сопровождении верховых конных, бредли партии колодников.

«Наш поезд сегодня мчит могучий электропуть. Все такой же зеленой стала стена горы, мучая тайга, но на пути нес ветераны от походов в Амурскую или заводов. Обмыл новой, индустриальной Сибири с каждым годом вырисовывается все четче и ярче.

Торопов сошел на станции Тайга, оставил в купе для молодых строителей-добровольцев, ехавших в Красноярск, томик Чехова.

— Так обязательно побывать в ленинских местах,— сказал он на прощание.— Тут и Минусинск и Шумensкий рядом...

4. НА БЕРЕГАХ ЕНИСЕЯ

«Не в обиду будьказано ревизионным почтальонам Волги, в своей жизни я не видел ревизии великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. На Волге человек начнет удаляться от природы, который засыпает песчаные дюны. На Енисее же жизни не хватает стволом, а кончится удаляясь, какая там и а сие не синилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суроый Ледовитый океан! Я стоял и думал: какая полная, уминая и смелая жизнь освещает со временем эти берега!»

Когда Чехов писал эти строки, на берегах Енисея, в Красноярске, немало зданий возводили: через реку перебрасывали сибирский караван, который с огромной пересыпью творил чудеса, о которой пурпурела по всему этапу. Здесь был центральный пункт по распределению ссылочных направлявшихся в Восточную Сибирь.

Владимир Илья прибыл в Красноярск 4 марта 1897 года и по рекомендации своего спутника Кругутовского остановился на квартире у Владимира Гавриловна Поповой, в доме № 33 по Большевченской улице, где часто останавливались политики.

Из недорогой комнаты на втором этаже, с видом на Енисей, открывался вид на закаченную сторону города, застроенную ломицами, и на вершину горы с белой каменной башней.

Всеси странным образом в свои права: горы с солнечной стороны уже совсем оглышили снега, на улицах журчали буйные ручьи, дороги вспухли, покречерили. Наступила там самая распутница, когда нельзя проходить ни на санях, ни на телегах.

По проходившему сквозь комнату Ленин должен был пройти по месту своего назначения в Иркутск и, как указывалось на обзорите свидетельства, не имел права ни уклоняться от маршрута, ни останавливаться где бы то ни было, за исключением особых случаев, при непреодолимых препятствиях. Весенняя распутница и явилась тем самым «непреодолимым препятствием», которым Владимир Илья мог об窘нуть свою страну в Красноярске.

Завинь местному полицейскому, который о своем отставке, Ленин, впрочем, подал прикусом к генерал-губернатору, который в то время оказался в Красноярске, прошение. Ссылаясь на слабость здоровья, Владимир Илья ходатайствовал о назначении ему местожительства «на пределе Енисейской губернии и, если возможно, в Красноярском или Минусинском округах».

Переписка полицейских ведомств, вызванная прибытием Ленина, составила впоследствии добрый том. Отношения, рапорты, телеграммы, донесения, ссыпались так обильно, что в них в конце концов запуталась сама полиция. Однажды, потеряв по бумагам с Ленином, поиски начались разыскивать его в Иркутске, хотя Владимир Илья никуда из Красноярска не отлучался.

Пока кружилась полицейская машина, «согласовывая», «выяснявая» вопрос о назначении места жительства Ленину, он занялся с головой в наложении связей, выяснял обстановку, возможности продолжать работу над книгой, начатой еще в петербургской типографии.

Из достопримечательностей города вниманием Ленина привлек дом, где родился и вырос великий русский художник В. И. Суриков, и... фотография Г. Кеппеля. Эта, на первый взгляд, несколько странная «достопримечательность» имела свою историю и особое значение. Еще в 1879 году владелец одной из трех публичных фотографий заключил с енисейским губернатором контракт, по которому получал монопольное право фотографировать политических и уголовных преступников за определенную плату по требованию тюремного ведомства. Политические ссыльные посоветовали фотографу завести альбом и коллекционировать снимки политических преступников. Кеппель начал заниматься своею рода «справочным бортом»; каждый политический ссыльный стремился залить свою, чтобы бы посмотреть альбом и узнать, кто и когда проследовал через Красноярск, а если обстоятельства позволяли, то снималася и сам, пополняя коллекцию Кеппеля. О фотографии известно во всем этапу. Ленину о ней рассказали Кругутовский.

Владимир Илья промстился албомом, в который впервые попалось около трех с половиной тысяч снимков. Со страниц албома смотрело мужественное лицо рабочего-революционера тяжкого Петра Алексеева, пытливые глаза организатора знаменитой морозовской стачки Петра Монсенко, мятежный взгляд писателя В. Городецкого и лица многих других, пролетавших через Красноярск.

По вечерам в доме Поповой часто собирались революционно настроенные молодежь Красноярска. Наблюдала за ней, рассматривала, читала письма из Европы. Илья тоже привлекал участие в беседах. О встрече с Ильиным на одном из этих вечеров рассказал в своих воспоминаниях В. И. Ачунч, примыкающий к народнической группе:

«Народ еще не собрался, и Владимир Илья сидел за чайным столом в кругу пяти — шести молодых людей.

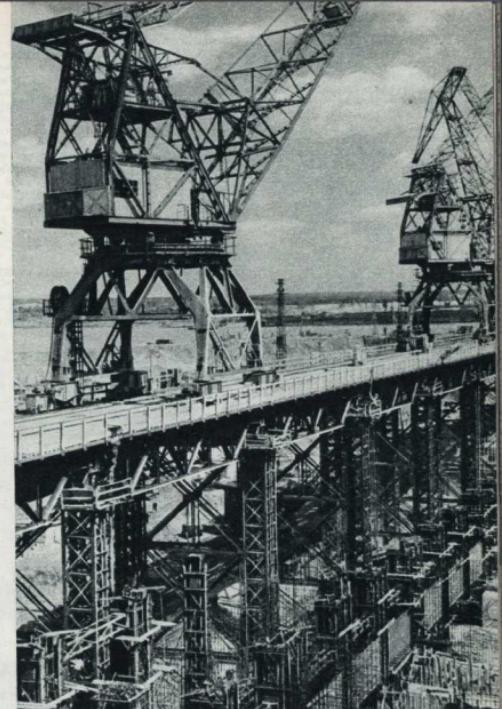
Когда меня представили Владимиру Ильичу, он при순ченно улыбался и сказал:

— Ну, вам нечего спрашивать: како ве- руете? У вас на лбу написано, что вы на- родник.

— Не согласен так, — отвечал я.

— А-а? Стихи пишете? Поэт?

— Тоже нет.

На стройке одного из крупнейших гидроузлов страны — Новосибирской ГЭС.

— А отвечаете вот в рифму?

— Случайность, ваше преосвещество, — ответил я фразой из анекдота.

— Так, запиши, — рассмеялся Владимир Ильин, — случайный поэт. А всерьез кто вы будете?

— Пока... просто революционер.

— Вот так диковинка: просто революционер. Не народник и не социал-демократ?

— Да.

— Любопытно. Революционер без программы? Во имя чего же вы хотите его величества огорчить?.. Это у Салтыкова, помните: малыши в штанах и малыши без штанов. Значит, вы малыши без штанов?

Раздался дружный хохот...»

Во время пребывания в Красноярске Ленин много работал. Здесь он разработал крупную теоретическую статью «К характеристики эко-нического романтизма» и собрал материалы для своего труда «Развитие капитализма в России». Ежедневно он занимался в библиотеке купца Юдина, которая находилась на Тарахановской даже в двух verstах от окраины города. «Посенцы и городскую библиотеку, — сообщал Владимир Ильин родным, — в ней можно просмотрывать журналы и газеты; приходят они сюда на день, и в все еще не пришли смыснуться с такими поздними новостями».

Бесспорностью с своим товарищами по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» А. А. Валееву, Г. М. Кржижановскому, В. В. Старкову и других, которых должны были отправиться в ссылку по проходившим свидетельствам не по этапу, а в арестантских вагонах, на минуту не покидало Владимира Ильича. Он не раз спрашивался о сроке пребывания этой партии ссылочных

и наконец узнал, что она двинулась в путь из Москвы 25 марта.

4 апреля Владимир Ильин вышел к поездам, однако стажа не допустила его к вагону, в котором сидели ссыльные. Удачлось только издать обмеженное приветственное со своим единомышленником другом.

С следующей партией ссыльных должен был прибыть Николай Елагин Федосеев — первый организатор марксистских студенческих кружков в Казани. В одном из таких кружков в свое время участвовал Ленин, но лично с Федосеевым он никогда не встречался. Владимир Ильин поставил себе целью хотя бы здесь, в Красноярске, то что бы то ни стало встретиться с Федосеевым, переписка с которым уже давно велась.

10 апреля задолго до прибытия поезда, Ленин принял вагон и катком, на мотоцикле, шел поезд, устремился к арестантскому вагону. Сквозь решетку открытоого окна вагона он увидел человека в простых очках, с жидкой бородкой и синяшими усами, утомленного скитаниями по ссылкам, заметил, иериную улыбку на его лице, но побеседовать с ним не удалось. Тогда Ленин застыл в фотографию Кеппеля, надеясь, что споди, может быть, приведут из пересыльной тюрьмы Федосеева для фотографирования. Равясь в это «справочное бюро» и сам Федосеев. В архивах сохранилось его прошение губернатору, в котором ходатайствовал разрешение ему «сняться в моей фотографии», но просьба была отклонена.

И все-таки встреча состоялась. А. Ванеев и Ю. Цедербаум, выпущенные из пересыльной

Ильича заболел легкими и отправила свое заключение в Иркутск, на усмотрение губернатора. В первых числах апреля Ленин получил из Иркутска от врача Лиховского, направившего туда для ссыльных, телеграмму: «Слышал назначение Вас Минусинск».

Однако в Иркутской вестью, Владимир Ильин писал матери:

«Назначенным своим (если слух опровергается, — я не думаю, чтобы он был ошибочный) я очень доволен, ибо Минусинск и его окресты — лучшие в этой местности по преображеному климату и по дешевизне жизни. Рассписание от Красноярска не очень большое, почта ходит два или три раза в неделю, так что письмо с ответом будетходить, вероятно, вместо теперешних 22—23 дней, дней 30—35, не более. Я думаю, что ранние навигации ехать можно не удастся, ибо распутица теперь уже позади, и изредка встречающиеся в Иркутске задержки здесь, вся в мае. А когда откроется навигация, — можно будет на пароходе доехать до Минусинска».

Ожидая официальных известий, Владимир Ильин продолжал работать в библиотеках, иногда совершал длительные прогулки по жарописским окрестностям Красноярска. «Здесь окрестности города, по реке Енисею, — писал он родным 17 апреля, — напоминают не то Жигулев, не то виды Швейцарии: я на них совершил несколько прогулок (дни стояли тут совсем теплые и дороги уже высокие), которые остались очень довольен...»

24 апреля Ленину объявили решение губернатора, архиции проходное свидетельство и взяли подпись о том, что он первым пароходо-

врезался прямо в самый тракт, перегородил дорогу слез и печали. Строители запечатали это событие, установив мемориальную доску с надписью:

«13 июня 1933 г. здесь
пересечены тракт «Белый
сибирский каторжный путь».

Сегодня в Красноярске насчитывается более сотни действующих фабрик и заводов. А сколько вокруг города строительных площадок, над которыми поднимаются башни и стрелы кранов!.. По берегам Енисея кочуют буровые вышки геологов, ведущих исследования для стройки Красноярской ГЭС. Молодые строители добрых сердец, привлеченные в Красноярск из разных концов страны, заселяют новые районы. Глухие провинциальные города прежде с годами старились, драхмели, как и их жители. Отпечаток старости лежал и на Красноярске.

С советским временем к городу словно вернулась молодость: он расцвел и просиял. Да это и не удивительно. За триста лет дерево-люционного существования Красноярска не вырос так, как сорок лет советской жизни. Он стал индустриальным центром края. Теперь Красноярск одним взглядом окунуть разве что смотрящий Красноярск.

Асфальтовые улицы. Многотысячные жилые дома, построенные в советские годы, вытягивают узкие лабиринты куполов. По вечерам город расцветает огнями и жизнь на его улицах, в театрах, клубах, библиотеках бьется полонированым пульсом.

Красноярцы люблю берега места, которые посещал Владимир Ильин Ленин. Вот бывшая Тарасковская дача. Она уже давно теплая в четыре города. На стенах деревянного дома прикреплены барельефы Ленина и мемориальная доска с надписью:

«Здесь, в библиотеке Юдина,
весной 1897 года ежедневно
работал Владимир Ильин
Ленин, задержавшийся в
Красноярске на пути к месту
 ссылки — в село Шипунское».

В Тарасковской даче теперь размещается школа, в которой учатся дети из села Ленин, отдаленного под ядерную библиотеку.

Интересна судьба библиотеки Юдина, книга которой пользовался Владимир Ильин. Купец-библиофил собрал огромное количество книг, газет, журналов. В его книгохранилище, насчитывающем более 80 тысяч томов, можно было найти сочинения на латинском, греческом, французском, немецком и итальянском языках, полные собрания сочинений почти всех русских писателей. Богат был подбор литературы по истории России и особенно по истории Сибири. Юдин скрупульно выписывал книги из различных издательств и журналов, скупал античные археологии. В его библиотеке оказались сценарии письма писателей, ученых, государственных деятелей. В 1906 году «здесь» купили, очевидно, пощанину, и он решил продать свою книжную библиотеку, но в России не нашлось покупателя. Книга была не ходким товаром в царской империи! Основную часть библиотеки Юдина купила Вашингтонская национальная библиотека. Оставшаяся часть с редчайшими рукописями находится сейчас в Красноярской краевой государственной архиве.

***

Сорок лет тому назад умолкли звуки кандалов и удавливания на сибирском каторжном пути. Окабурской рабочей реформы ураган смел старые. Над бывшей «стражной избушкой» взошло животворящее солнце, осветило тайгу и долины, горы и реки, и вскоре поднялись прекрасные побеги новой жизни.

Слепой якут Тимофей Терешкин, ощущивший дуновение новой, умной и смелой жизни, сложил песнь-импровизацию:

Стюо я у Енисея —
Отца сибирских рек,
Стюо на высокой круче
И так говорю живущим
Людям, деревьям, птицам,
Травам, цветам и звездам:
— Радуйтесь новой жизни,
Славьте строителей мира,
Ленина имя славьте!

Фото В. Рябинина.

Так выглядит в наши дни одна из центральных улиц Красноярска.

тырьмы для следования к месту ссылки, оставили свои вещи в тюрьме, а на следующий день, 24 апреля, явились за ними с телегой, которую в качестве хозяина сопровождал Ленин, одетый в большую шубу извозчиком-извозчика. Во дворе тюрьмы «свободоженые» потребовали вызвать в цеха Федосеева, «старосту» политических для сдачи имущества. Пока они укладывали на телегу вещи, «извозчиком-извозчиком» беседовал со «старостой».

Прощение Ленина, поданное иркутскому губернатору 6 марта, где-то бродило из кинотеатров, и вдруг 22 марта след его обнаружился: было решено поддержать просьбы меднинским осмотром, чтобы убедиться, действительно ли по состоянию здоровья он нуждается в перевозке в южной части Енисейской губернии. Осмотр состоялся в здании врачебного отделения «особого присутствия» под председательством вице-губернатора, с участием полномочного и тюремного надзирателя. Комиссия обнаружила у Владимира

дом вмешал в распоряжение минусинского исправника.

30 апреля на товаро-пассажирском колесном пароходе «Св. Николай» Владимир Ильин выехал в Минусинск.

...Так же, как прежде, сегодня могут, величайший красин Енисей. С такой же стремительностью и быстрой минутой он свои большие воды. Только на берегах его смышен не звон колокола, не песни, звонко звенят в сердце своей новизной и радостью. Принесло это время, когда поляна, умная и смелая жизнь осветила берега отца сибирских рек. В водах Енисея отражаются края новостроек, корпсы и трубы заводов-гигантов, поднявшихся за годы пятилеток.

В годы первой пятилетки в Красноярске строились одно из крупнейших заводов. Территория этого предприятия заняла огромное пространство, пересекла тракт, по которому проходили партии колодников, а один из его многочисленных цехов фундаментом своим

К ПРАЗДНИКУ ЮНОСТИ

Фото А. Узлова.

III умит весенний ветер над Днепром. На высоком берегу стоит светлое здание с колоннами. Это Дворец культуры днепропетровских студентов.

Когда окончилась Великая Отечественная война, это здание, взорванное немецкими оккупантами, лежало в развалинах. Но молодежь города своими силами подняла его из руин. И вот уже пять лет существует Днепропетровский Дворец культуры студентов. Здесь проводят досуг сотни юношей и девушек.

День во Дворце начинается рано: утром спят в свою студию молодые художники. Среди них студенты Днепропетровского государственного университета Лили Гаврилова, Виталий Надворный, болгарские студенты-

На первом Снимке: сцена из литературно-драматической композиции по пьесе В. Бианкинского «Оптилистическая трагедия». Слева направо: студенты Л. Левин, В. Дроzdов, И. Эскин и неизвестный; руководитель студии — Экскурсантка из Москвы: Тарас Бульба». В центре — руководитель студии художник И. И. Трошин.

Александр ТОЛМАЧЕВ

ВЕЛИКОЕ СЕРДЦЕ

Всюду,

где пекини кипене,
где радость новых рожденье,
где мужеством и вдохновеньем
людские сердца стучат,
мы спешим сердцебиение
нашего Ильича.

Оно в силе партии нашей,
в единстве ее с народом,
в мудрых ее решениях,
и движеньях.

Оно — каждой новой победе,
в гуще турнир и заводов,
оно в весенних цветенье
нашей Советской страны.

Франтишек КОМАРЕК

СРЕДИ МИЛЛИОНОВ

Когда ты родился, Ильич,
Ручьи по оврагам кипели,
Весенне жаркое солнце
Склонялось к твоей колыбели.
Склонялось она над тобой,
Часами тепла отдавая,
Чтоб скла опала твой,
Невидимая воленка.
Давно это было...

Потом

Пошли за тобой миллионы,
И к счастью ты их выходитил,
Бесправных и угнетенных.
Как прежде, ты с наим в пути,
Судьбою людей озабочен,
Ты солнце тепло раздаришь
Работам, людям, любопытным.
Ты многое сделал, Ильич!
Твой свет над планетою льется.
Ты дал нам наивное свое
Пятничечное солнце.

С чешского перевел
Д. СМИРНОВ.

То Хуу

ЛЕНИНСКИЙ СВЕТ

Ночь варварства,
белый охватывши свет,
томила дыханием гроз.
И люди стонали.
И тысячи лет
земля задыхалась от слез.

Но брызнули
сплохи света во мгле,
и солнце явилось в полях.
То Ленин прошел
с Октябрём по земле,
и вот улыбнулась земля.

Знамена, как зори, горят.
И легко
стремится небес бирюза.
И вот уже смотрят
на мир широко
не знавшие света глаза.

В боях
отстояли мы пашин свои.
И полночь сменяла заря.
И вот уже Август Вьетнама стоит,
стонет,
словно брат Октября.

Свалив с себя
рабства томительный груз,
мы вышли на ленинский свет.
Привет тебе,
славный Советский Союз!
От младшего брата привет...

С вьетнамского перевед
Вас. ЖУРАВЛЕВ.

Хорош получился Тарас Бульба! На снимке: гимназист — студент театрального училища О. Но-вократский и студийцы И. Добродуб и Г. Манновец.

металлурги Бойка Бордюкова, Семёна Тодорова. Все они вместе со своими товарищами под руководством художника И. И. Трошиня работают над темой народного творчества, традиционными трудовым делам молодежи своего города. Художники студии намереваются показать эти картины на выставке VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Но не только живописцы заняты подготовкой к фестивалю. Хореографический коллектив увлечен постановкой яркого и темпераментного балета «Тарас Бульба» композитора Соловьев-Седого.

Большой популярностью среди студентов

пользуется эстрадная студия, которая сейчас repetирует веселую и увлекательную программу «Птицы друзей». Душой этой, пожалуй, самой яркой и веселой студии является такой серьезный человек, как кандидат технических наук Л. А. Гузов.

Старейший коллектив Десантной драматической студии, осуществлявший за четыре года несколько интересных постановок, показала недавно литературную композицию «Оптимистическая трагедия» по пьесе Всеволодова Вышневского. Эта интересная и талантливая работа создана студентами Л. Лемке, В. Дроздовским и Б. Зиминой.

Много хорошего можно сказать о коллективах бандуристов, который гостит к Всесоюзному «Фестивалю новых песен». Среди них особенно напевна и мелодична «Цветет золотая Украина».

г. Днепропетровск.

Идут занятия кружика бандуристов. На переднем плане — студентка А. Казачкова.

Посетители Дворца осматривают выставку работ студентов, занимающихся в изостудии.

В. Серов. В Смольном.

Выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР.

Ф. Рощинников. Голуби мира.

Выставка произведений действительных членов и членов-корреспондентов Академии художеств СССР

Михаил СКОРОХОДОВ

Рисунок В. Каменского.

ОТЕЦ КОМАНДИРА

Рассказ

П о небу плывут облака, рыжие, с темноватым налетом, как на сугробах весеннего снега. И солнце свечет почти прерывно, облака не то что ворсистый ветер, морщинят луки, прошит мутные струйки ручьев, сбегающих за гранитный обрез набережной.

Я второй раз прихожу на приморский сквер. Мне уже знакомы известняковые львы, растянувшиеся по бокам широкой каменной лестницы перед входом. На их спинах воробы с переливающимися перьями со вздрагивающими хвостами. В сквере мокро, бледно, неуютно. Скамейки пустуют. Только на дальней, самой первой от моря, сидит, опершись на металлическую пристройку, старик в надвинутой на лоб ушанке.

Теперь я точно знаю, что это тот, кого мне надо. Несколько минут назад у него на квартире мне сказали, что он, наверное, в северном городе.

У меня было поручение от командира корабля — навестить его родителей, узнать, как они себя чувствуют. Мы с командиром оказались земляками, из одного городка. Городок этот невелик, однако известен своим судостроительным заводом... Продолжив около двух лет на одном корабле, я не знал, что корабль — мой земляк, и только когда со своими пожитками в руках шел к трапу, чтобы сойти с корабля, капитан первого ранга остановил меня и попросил: по приезде в город зайди к нему домой.

...Так вот какой отец у нашего командира — седянин, супулаторый, в очках с металлическими оправами, какие теперь редко носят. Волосы седые, слизу, и она, такая же светлая, как и его глаза, как седые усы и брови, подрагивает на щеке, покрытой красными прожилками. Брови у старика сошлись над переносицей тисочками, и в этих тисочках жгута крупных морщин.

— Но вы же Иван Сидорович Кузин! — спросил я.
Он посмотрел на меня, подви-

нулся, да в место на скамейке, и отвел взгляд.

— Садитесь. Я буду Иван Сидорович Кузин.

— А я служу под командой вашего сына, на корабле, привет вам от него привез...

— Да ну-у! — удивился старик и хлопнул ладонью рядом с собой. — Садись ближе, расскажи- вай! Как он там? Плавает? — отчего-то нахмурившись, спросил Иван Сидорович и тисочками бровей намерто зажал морщины.

— Да, ведь такая наша обязанность: морская — плавать!

— Ишь ты! — с лукавинкой улыбнулся он, покосившись на меня.

Старику было не вид лет семьдесят.

— Продует вас тут, — показал я в сторону моря. Непонятно было, зачем старик сидит на юре, когда в сквере есть места, защищенные от ветра.

Он не отставил, а перевел взгляд на морской горизонт; очки его блеснули на солнце.

— Во-оо! думает. Как думаешь, воинский или торговый?

Так это ж катеров на волнах буятаются...

Катерок! А ты погоди хоро-шенько. Не покрути ли ты?

— Нет, Иван Сидорович, катер это.

— Как же так! — озабоченно произнес старик. — Не может быть...

Он посидел еще немного, по-прежнему пристально глядя на изящно изогнутые солнечными светочками руки, поднял их.

— Тогда, — сказал он, — это было шинение... произноси: «Кислород», режу!, — если дроби клепши: «Сшиваю!». Встречные почтительно с ним здоровались. Отчего на них приветствия, он чутко пронигдимал шапку над головой.

Я предполагал, что Иван Сидорович ведет меня к себе домой, но ему, оказывается, нужна была звонок.

С председательским звонком он разговаривал тоже недолго, прося обмыть квартиру с четвертого на первый этаж.

— Ноги начинают отказывать, — покосился старик.

— Сделаем, — сказал предсе-

датель. — А в воскресенье к тебе обязательно приду.

— Именами спрашивать собираетесь? — спросил я, когда мы сно-ва вышли на улицу.

— Что именами! Золотую свадебку сыграть решили со старухой?

— Старуха помочила, потом с грустью в голосе добавил:

— Вот что значит делать то, что стало нечего, старику. Живу вот, а зачем? На пансион Сорок пять лет корабли строя, а теперь на пансион...

— Половка, выходит, вместе промолкли! — поспешил я и на-рочит наступившее ощущение неловкое молчания.

— Да пятьдесят лет назад то-му поженились. Только не помню, какого числа это было... Кажется, в первое апрельское воскресенье... — Охинувшись, Иван Сидорович начал рассказывать мне про свою молодость. — Припоминаю я один вечер, тихий такой, с замо-розком... Солнце было... Сидели мы со Стешой неподалеку от Путиловского на заводе под дос-тупом Коневской сажи в забытые ке слово, которые в тот вечер говорил ей. Мино нас тогда конный жандармский разъезд прощал копытами. Показывало Стеше на офицера, что впереди на сером в яблоках жеребце, и говорил: «Вчера на заводе арестовывал наших. Грозился всем на спине бубновыми тузы нащить. За что, спрашивало, ваши, благодордят? Ничего, что воняет, — говорил говядина утка, а уха не дала! И только я так сказал, он меня за грудки... «Потише бы ты, Ваня», — испугалась Стеша. — Ведь жить-то... — говорит, — ой-ой, сколько! Только начинай жить-то. Брось ты с начальством так-то. Дай мне слово, что не будешь на мавши ходить. Зачем они тебе? Что слу-чится — куда — в один день... Две недели... — «А я, — я побежу не отступать Стешу, дай ей слово не отступать в политику. На той же неделе в подвалной каморке, где я жив, сыграли сядьбу... Вот так, брат, и вспоминается мне...

Теперь старик довольно уль-бается. Усы, видно, щекотали ему

кончик носа, и он то и дело подергивал его, зажимая в цепоть. Подойдя к подъезду назнакомого мне нового дома, Иван Сидорович проговорил:

— Сюда нам.

— А вы разве здесь живете? — остановился я в недоумении.

— Нет, в этот дом недавно перевез моя друг Роман Сергеевич. Мы с ним вместе на Путиловском заводе работали. Я еще не приглашал его.

Роман Сергеевич был дома один. Он сидел возле большого фенкса и чистил трубку, выковырявая ее в краи черепушки.

— Как здорово-то! Савельевна где? — начал спрашивать обо всем по порядку Иван Сидорович, представив меня хозяйину и усаживаясь на диван. Я сел рядом с Кузином.

Роман Сергеевич — грузинский старик с крупными чертами лица — неторопливо ответил на вопрос:

— Ну что ж, слава богу... — отозвался Кузин. — А я вот обхожу, приглашаю. Стало быть, на воскресенье прошу ко мне, Роман...

— Так — хранила, вздохнула Роман Сергеевич, набивая трубку, — значит, золотая свадьба, погодинки лет! Хорошую ты жизнь, Сидорыч...

— Ну-ну!. Не хоронишь ли? Да я, брат!

— Ты у меня, Сидорыч, как на ладони. Жизнь свою могу по деталим разобрать и снова собрать.

— Это все верно. Да только все же не можете помнить? Ко не забыл, как я банковом себя посыпал в революционной Капитал в банке имел...

— Ба-а-аинчи! — Трубка запрыгала в зубах Романа Сергеевича. — Ба-а-аинчи! Это ты прости рубль, читай, лил. Как не помнить! Ты об этом капителе всем уши прожужжал. Из-за этого тебе, нарицкого красногвардейца, в охрану Смольного тогда не назначили. — Роман Сергеевич

неподвижно посмотрел на Кузина: глубоко по трунку непрятанных воспоминаний! — И не потому что мы беспартийный. Сосам не поэтому. Боялись, как бы не обратились к самому товарищу Кузину со своим пустяковым вопросом. В списках охраны тебя внесли, а я проголосовал вычеркнуть. Больно ум понимаешь, круго взяты не счет своих стру рублей!..

— Прямо все в правду, — кивал Сидорыч, глядя в окно. — Сперва на склоне узкой трубы так до пятидесяти на черный день, а они ушли. Всё, знаешь?

— Знаю, — подтвердил Роман Сергеевич. — И хвалю. Правильно с ними поступила, помог семье убитого на демонстрации.

— А Петровна с меня их требовала: где они? Давай сюда! Прощала:

— До сих пор краснею, — признался Сидорыч. — А когда лет двадцать назад Калинин орден мне в Кремль вручал, то не забыл от того разговора и напомнил: «Что? Кузин, возвращай тебе твои деньги!». Столпы, — отвечал. — Как товарищ Ленин обещала. «То-то... смеется...» — свою Советскую власть не забыла. Ну, и Степанова как поживаешь?.. И крепко мы пожали друг другу руки.

«ХВАЛА ТОМУ, ГТОВ КОТОМУ КО ВОЮ!»

Семидесят лет назад передовому студенту Казанского университета собрались на склоне открыто противостоять практике реакционной политики самодержавия. Официальная органическая антифеодальная характеристика этой склонности была студент первого курса Казанского университета Адольфом Ильинским. Жизненный путь Адольфа Ильина, Готовившегося к будущему творцу. На нелегальных собраниях по землемеждии, участвовал в требованиях, с которыми должны были выступить студенты; потом требования свели в петицию. Но гентографы напечатали петицию в газете, и Адольф Ильин, студент Ветеринарного института...

Семьдесят два дня в коридорах послышались клики: «На склону, тори, варницы, на склону!». Толпа студентов изнутри и снаружи стала одним из первых шагов Владимира Ильин.

Склоны прокрадка возбужденностью. Решился вопрос о том, как следить, чтобы преступление на склоне не было преодолено на склону.

Решено было пренести узбуку в университет. Разрешили фант и обещали на себя ответственного виновника. Разрешили лучше люди виноваты. Разрешили лучше люди виноваты.

пил, говорю, все заподлицо!. Снова стали по рублику себя урезывать и до ста рублей накопили. Здесь она уж их под строгий контроль взяла, банковую книжку замяла, при себе держала. А в ноябре самовидцатого двенадцати наши азымы да и тютюн Национализировали их вместе с бородой! Каждый из нас манлыши. Ох, и грядет...

Наступило молчание. Но продолжалось оно недолго. Сидорыч заерзal на стуле, сел на самый краешек и дотронул пальцы до собеседника.

— Ты вот еще чего не знаешь. Со своим вопросом я все-таки к Владимиру Ильину обратился, уловил момент. Стоял раз часовым у Нарвских, и вот на тебе — идет мимо! Я ему всю историю и выложил. Вроде шуткой, ароде в наемки, а сказал: «Национализирован Бородой». Владимир Ильин, а денег-то копейки, струпьевка, струблевка в нем. Как же теперь, элики, Владимир Ильин, получать не получишь? Баба подняла заверста. Он сперва долго смотрел в сторону. Потому что, как я сейчас подогляд, были другие занят, а тут вдруг я со своим вопросом. С Ильином Калинин шел, Михаил Ильин, с которым, помнишь, мы с тобой в одном цехе работали. Он-то меня узнал. «Это наш Кузин», — путлковский. — говорит Ильин. Повернулся ко мне Владимир Ильин: «так, так, товарищ Кузин! Эх, — считывая, вашингтонские деньги в банковскую сто рублей, не больше! Значит, оставальные не ваши? Но в таком случае чьи же? — Положи это он мимо руку на плечо и успокой: «Ничего, товарищ Кузин!.. Помяните отдаст мое слово. Советская власть отдаст вам столько рублей, да еще какие-то!»

— До сих пор краснею, — признался Сидорыч. — А когда лет двадцать назад Калинин орден мне в Кремль вручал, то не забыл от того разговора и напомнил: «Что? Кузин, возвращай тебе твои деньги!». Столпы, — отвечал. — Как товарищ Ленин обещала. «То-то... смеется...» — свою Советскую власть не забыла. Ну, и Степанова как поживаешь?.. И крепко мы пожали друг другу руки.

— Где сих пор краснею, — признался Сидорыч. — А когда лет двадцать назад Калинин орден мне в Кремль вручал, то не забыл от того разговора и напомнил: «Что? Кузин, возвращай тебе твои деньги!». Столпы, — отвечал. — Как товарищ Ленин обещала. «То-то... смеется...» — свою Советскую власть не забыла. Ну, и Степанова как поживаешь?.. И крепко мы пожали друг другу руки.

— Да-а-а, — протянул Роман Сергеевич — несложно было в старое время от получки по рублику выкрадывать! А Ленин не то что сторубликовую, а власть тебе дал. Корабль своим именем назвали. Штука ли, теплоход «Кузин! Говоришь, к нам в поорт зайди! Должен! Стало быть, поздравительный визит тебе нанесет дескать, ты ушел на отдык, а за тебя по-рабочему...

Однако заскучали мы у тебя, Роман, — сказал Сидорыч, вставая. — Пойдем-ка, сынок, погуляем к тебе с матерью твою, командира, — обратился он ко мне.

Вскоре мы были у его дома. Взбудораженный воспоминаниями, Иван Сидорович, даже поднимаясь на четвертый этаж, не переставая рассказывать о давно прошедших, трудных годах своей жизни.

— ...И да я тогда слово своей Стесе работать на заводе тихо и спокойно, политику не вязьми. Ваши сестры держал! Не выдергал термосом, променял он, добравшись до лестничной площадки четвертого этажа.

Нам открыла маленькая поваренная старушка.

— Ну, как? — спросила она Ивана Сидоровича.

— Все как надо, увалились... А сейчас вот какого гостя примиши? — И он отрекомендовал старушке — От Сергея, с корабля. Привет нам привез. Степанова. Петровна всплеснула руками и сразу стала расставлять тарелки. Увидела меня, а потом отбила меня у Сидоровича и потешалась за собой на кухню, где, усадив на табуретку, долго и подробно рассказывала о сыне.

— Домой в этот день я возвращалась не спеша. Солнце уже опустилось за горизонт, а над головой все так же легко и плавно проплывали ставшие теперь совсем темными облака. Воображенний снов и эйфории возникла тебе ступенька. Стульчики. — отвечала. — «То-то... смеется...» — свою Советскую власть не забыла. Ну, и Степанова как поживаешь?.. И крепко мы пожали друг другу руки.

товарена песни. Написал ее, кажется, студент четвертого курса медицинского факультета Вишневский. Об этом ни в одном из материалов, которые распологают историю, не упоминается. Степанова Гарески Португалю не помнила, он смог только пересказать ее содержание.

Но вот среди материалов, отобранных изжандармами при обыске в квартире писателя Вишневского, который целиком совпадает с португоловским напоминением. Да это же самое самое песенка, которую пели студенты во времена исторической схолы! Песня воспоминания. Очевидно, она там.

...Как мы стоим! Трудный путь, Но русские студенты — нет! За честь стоять им не вперше. Вордами зажег их весь свет. За разданый свет, за разданый боло. За разданый свет, за разданый боло. Кто, ради личных помыслов, не уважает света, пренебрегает светом. О, пренебрегте горделиво. Не бойтесь зверствовать собой, Спокойны будете душой. Сознанье долголи исполнены искрой. Песня воспоминания. Оно пренесет все страданья и чистым счастьем наградит.

Еф. БУШКАНЕЦ,

кандидат филологических наук.

г. Казань.

От заставы Ильинч идет шоссе Энтузиастов.

Фото Г. Борисова.

НА ЗАСТАВЕ ИЛЬЧА

...После того, как в 1870 году закончилось сооружение Нижегородской железной дороги, на окраине Москвы, в районе Рогожской заставы, были созданы первые Кузнецкие мастерские. Мастера, рабочие этих мастерских активно участвовали в революционных событиях. Еще в 90-е годы прошлого века здесь возникли нелегальные революционные кружки. В 1905 году рабочие-железнодорожники бастовали, останавливали поезда с царскими вагонами, строили у заставы баррикады, а в Октябрьскую революцию 1917 года большинство рабочих участков боялись. На подступах к Кремлю геройски погиб молодобойч мастерских Василий Войтович. Его с почестями похоронили у Кремлевской стены. Имя Войтовича ныне носит вагоноремонтный завод, созданный на месте старых мастерских.

Недавно комсомольцы одного из цехов пригласили к себе старых кадровых рабочих поделиться воспоминаниями. В гости к молодежи пришли кандидат исторических наук Л. М. Гуляев, который сейчас пишет историю завода, члены партии с 1917 года, персональный пенсионер токара Петр Павлович Жуков, литецщик Дмитрий Петрович Цинкин. Пришли и бракованцы цеха Алексей Николаевич Смирнов...

Продолжение родного завода всегда интересовало комсомольцев. Но особенно привлекало к вниманию знаменитое событие, произошедшее в один из дней августа 1918 года.

В тот день... Впрочем, послушаем, что рассказывали молодым рабочим ветераны...

— Третьего августа 1918 году было время. Молодую нашу распутицу со всех сторон окружали интроверты и белогвардейцы. Они отрезали столицу от продовольственных районов страны. А тут еще кулаки не хотели давать хлеба Советской власти, эсеры и меньшевики вредили...

И вот однажды, во второй половине августа, мы узнали, что в мастерских пришел Владимир Ильин. Пришли мы все в здание, где сейчас находится клуб. Тогда там была столовая, в которой обычно проводились собрания и митинги. С нетерпением ждали Владимира Ильича.

У входа собиралась большая группа рабочих, обсуждали новости, а самое то и делали выкрикивали на дверь: «Нет хлеба!»

Ильин в суголовке и шуме не заметил этого невысокого человека в темном пальто и кепке. Он тихо вошел в калитку и скромно присел на скамейку. Рабочие продолжали беседу. Говорили о том, что сейчас не до ремонта вагонов: надо думать, как прокормиться. Принесли торт, тоже самое стало рассказывать железнодорожников о том, как они работают, как живут, что ли мы выдают пайки.

Каким-то образом представители военно-революционного комитета все же узнали, что Ленин приехал. Потом уже выяснилось, что этого машина остановилась не у мастерских, а у находившихся поблизости мастерских Нижегородской дороги. Оттуда он через пути пешком и прошел к клубу.

Когда объявили, что слово предоставляется Председателям Совета Народных Комиссаров С. В. Ильину, удивление рабочих было безгранично. Они не могли даже представить себе, что этот скромный товарищ, которому они только что вручили пайки, — это сам Ильин!

А Владимир Ильин поднялся на скамью, снял пальто и начал говорить. В зале стало тихо-тихо. Рабочие яждно слушали каждое его слово. Он говорил просто и ясно. Объяснил, в каком положении находится молодая республика, какое тяжелое наследство получили мы от царизма. А потом обратился прямиком к нам — рабочим железнодорожникам: «Мы железнодорожникам стыдно жаловаться на недостаток хлеба и продовольствия. Ведь хлеб есть в деревне, а доставка его в Москву в первую очередь зависит от нас, железнодорожников. Надо немедленно ремонтировать вагоны и формировать эшелоны для перевозки продовольствия. Надо организовать продовольственные продടадьи, чтобы засыпать хлеб у кулаков».

Пока Ильин говорил в зале становился теснее и теснее. Народ, узнав, что выступает Ленин, все прибывал.

Сильно зажег нас Владимир Ильин своим выступлением. Долго обсуждали рабочие его слова.

А на следующий день дружко вились за ремонт вагонов. Всюду были организованы два первых маркирных поезда, и наши продടадьи отправились за хлебом.

...Воспоминания ветеранов произвели на молодых рабочих огромное впечатление. Комсомольцы особенно ясно увидели, какой путь прошло вместе со всей страной их предприятие, вся слава рабочих окраины, которая называется ныне заставой Ильиной.

Хотя в цехах сейчас уже почти не осталось очевидцев выступления Ленина, но боевые звезды старой рабочей гвардии бережно хранятся. И лучше всего это видно в трудовых делах молодых рабочиков.

Заканчивая в вагонсборочном цех завода, здесь из отдельных узлов и деталей собирают вагоны. В Большом помещении стоят длинные ряды столовых верстаков. Над ними склонились столяры. Они ремонтируют вагонные полки, диваны, столы, двери, окна. Большинство рабочих — молодежь. Мы видим, как ловко орудуют рубанком высокий черноволосый парень Юра Антонов.

Не бывает дня, чтобы он в полтора часа раза не перевыполнил сменное задание.

Когда несколько месяцев назад Юра организовал молодежную бригаду, многие в цехе отнеслись недоверчиво к этой затее. Даже мастер считал, что такая бригада — лишняя обузда. Ведь, кроме Юры, все столяры только в июле 1956 года окончили железнодорожные училища. «Что они могут? — говорили некотоные. — Один брак будет».

Но уже через месяц такие разговоры смолкли. Молодежь не только догнала кадровых рабочих по производительности труда, но и не уступает им в качестве ремонта.

Есть у Юры Антонкова мечта — стать токарем. Летом он окончил седьмой класс вечерней школы и учится сейчас на первом курсе техникима.

У члена заводского комитета ВЛКСМ Ивана Гаврикова работа, по его выражению, скромная.

Он слесарь по отопительным системам завода. Но на всяком работе можно себя проявить. За высокие показатели в труде Гавриков награжден грамотой ЦК комсомола.

Так молодежь завода не только хранит, но и умножает славные революционные традиции.

Е. ДУБРОВСКИЙ

В одном из цехов завода имени Войтовича.

ВОЗРОЖДЕННЫЙ КРАЙ

Текст Б. ЗОРИНА

Фото Г. ФИБИГА.

Коми АССР — это край лесов и тундры, край удивительных контрастов, где рядом с приземлившимися самолетом можно увидеть оленя упряженку. Леса республики кишат ценинейшими породами пушного зверя, а недра земли богаты каменным углем, нефтью, газом. Когда смотришь на фабрики и заводы, дворцы культуры и спорта, дома, построенные на средства, выделенные по улицам новых городов трудового представить, что этот дальний северный край был когда-то глухой окраиной царской России, а его население — коми — было обращено на вымиранье.

Радостные перемены произошли в судьбе народа коми после Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин обратил внимание ученых на богатейшие природные ресурсы этого края. По его предложению были направлены сюда геологоразведочные экспедиции. В июле 1918 года он поручил Высшему Совету Народного Хозяйства организовать поиски угля и нефти на Печоре и вже тогда дал указание об изыскании для постройки железной дороги Мончегорск—Ухта. В. И. Ленин проявлял так-

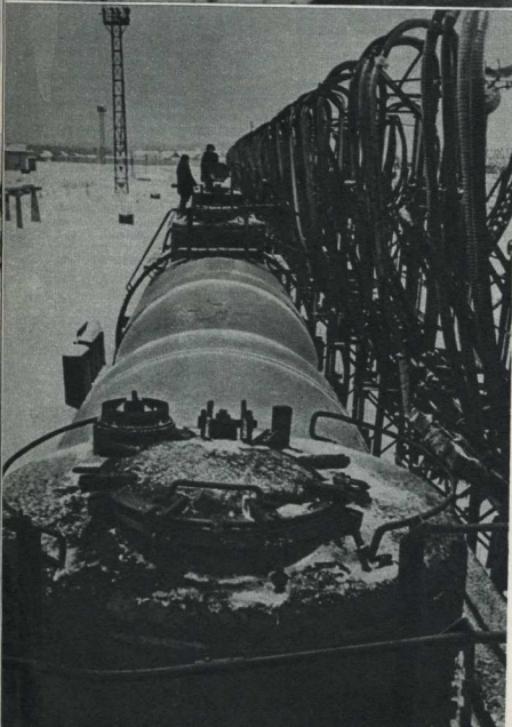
же большую заботу о культурном развитии народа коми. Несмотря на то что в то время стигла республика в годы патриотической войны, бесценные сокровища, веками лежавшие непронутыми в недрах земли, стали все в больших размерах разрабатываться в разных районах этого обширного края. Воркутинский уголь соперничает теперь с донбасским и кузнецким, а ухтинская нефть — с бакинской.

Но скажай и трудной пропагандисты проводят высоковольтных линий. На колхозных полях работают тракторы и комбайны. Лампочки Ильича зажглись не только в городах республики — электричество проникает в отдаленные поселки, стойбища оленеводов.

Большие успехи достигнуты и в культурной стройке.

Радостные реvolutionные события в коми не было своей писательности, своего литературы, своего национального театра. Теми и безраздостя была жизнь народа коми. Октябрьская революция, как свежий, живительный ветер, прошла по этому краю, пробуждая творческие силы народа. За годы Советской власти в Коми АССР полностью ликвидирована безграмотность, создана письменность. Есть сейчас у народа коми и свою национальная литература, и свой театр, и свои высшие и средние учебные заведения.

Такое стремительное развитие бывшей отсталой народности обеспечила мудрая ленинская национальная политика Коммунистической партии.

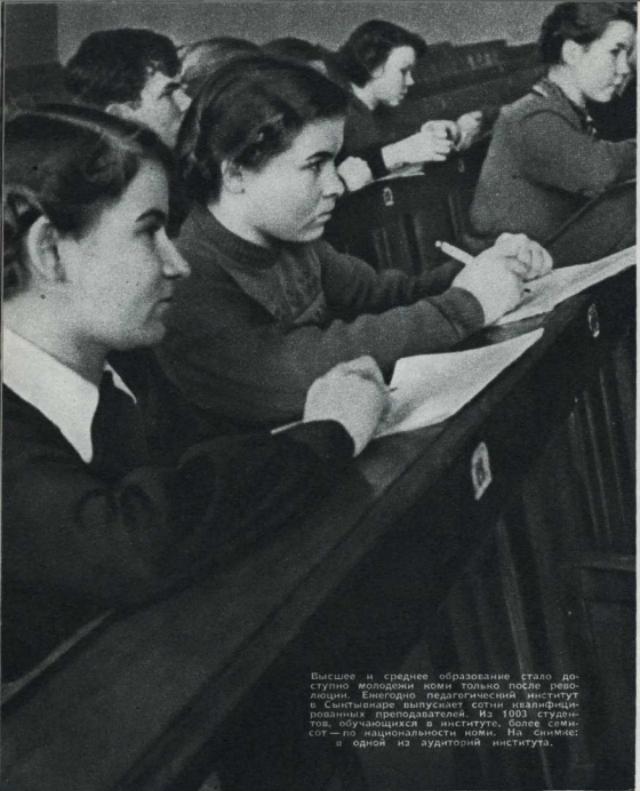

Важную роль в экономике Коми АССР играет и пушной промысел. В лесах водятся горностаи, белки, линьцы. На снимке знатный охотник коми-ханского колхоза «Заря свободы» Семен Алексеевич Канев. Во время охоты не раз ему приходилось встречаться с опасными зверями. Ни его рука не слыхала четырех убитых медведя и два волка.

В Коми АССР открыты первые школы-интернаты. Дети чувствуют себя здесь как дома. Маленькие няни в свободное от учебы время участвуют в самодеятельных концертах. На снимке ученицы Ухтинского интерната показывают свое искусство танца.

Видно в стране образование стало доступно молодежи только после революции. Енегородское педагогическое институт в Сыктывкаре выпускает сотни квалифицированных специалистов. Из них 1003 — коренные жители Коми, обучавшиеся в институте, более сорока — по национальности коми. На снимке: в одной из аудиторий института.

Из столицы Якутии в село Ильину знаменитое пастбище топтыж самолетом, нечестно сказать, самым распространенным в Южной АССР видом транспорта. Но и здесь ни в чем не «чурчугают» продавцы. В Ильинском сельском магазине всегда большой выбор товаров.

В Краснодарской области выпускчики саночного квалифицированных технических мастеров. На снимке: Петру Бутнайев, сейчас в недавнем прошлом рядовой рабочий, сейчас старший оператор на Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе.

Народу коми прежде неведомо было театральное искусство. Сейчас в республике есть свой национальный театр, свой национальная драматургия. На снимке: в артистической съезды карельского театра перед началом спектакля «Когда цветет лилия».

Так одеваются в праздничные дни девушки села Усть-Цильма, где до сих пор сохранилась национальная одежда XVII века — расшитые золотом коночинские сарафаны и узорчатые кокошники. Юноши и девушки этого села деятельно готовятся к VI Всесоюзному фестивалю молодежи и студентов.

КРАСОТА ЧЕЛОВЕКА

Борис ЕГОРОВ

В редакцию пришло письмо. По причинам, о которых читателям станут понятными из его содержания, автор подписался скрывающимся: Виктор Л. Он пишет:

«Недавно познакомился с девушки. Лида — это ее прозвище. Она очень понравилась мне. Мы стали часто встречаться. Вечерами, после работы, ходили на каток, в кино или просто бродили по улицам. Все было хорошо до тех пор, пока я вместе с ней не стал появляться на вечерах среди ее знакомых или в театре. Лида начала все чаще и чаще делать мне замечания, которых раньше не делала: то я слишком широко показал галстук, то привильяно поздоровалась с кем-то. (Первыми) протянул руку, то зевнула, без разрешения хвостом. Да, я сказал ей, — может быть, что я человек простой, рабочий и эти светские условия мне ни к чему. Она рассердилась и стала еще придирчивой. А однажды заявила: «Мне стыдно за тебя перед людьми. Ты просто малокультурный человек. Меня это очень задело. Имела ли Лида право так сказать? Не она ли удавалась раньше: «Когда ты успеешь работать, и учиться, и столько читать»?

До этого спора я щадил ее самолюбие.

А тут сказали: «Ты считаешь себя культурной, а, кроме журнала мод, ничем не интересующимся».

Больше мы не встречаемся.

Я не стал писать это письмо, если бы некоторые друзья, которым я рассказал о происшедшем, не заметили мне: «Все же ты неправ». Неужели правы Лида?

Если отвечать Виктору коротко, можно сказать только одно: оба неправы, оба ошибаются. Но вопрос, заслуживающий внимания, — это вопрос о физической форме человека, его внешности, его физиономии. В последнее время эта тема, в частности, часто обсуждается в институтах, в школах. Недавно студенты МГУ провели, например, вечер «О вкусах и вкусиах». В Центральном Доме работников искусств комсомольцы горячо участвовали в «Разговоре о хорошем тоне». Молодые рабочие Сталинского района, Москвы, дискутировали на тему «О культуре внутренней и внешней».

Все остreste встает проблема внешности, этического обличия молодого человека, проблемы воспитания. Это вполне естественно. Растет благосостояние нашего народа, растет его культурный уровень, поэтому возникают новые запросы, новые требования. Мы имеем многомиллионную армию студентов и учащихся, решив задачу перехода на всеобщее десятилетнее образование. На них построены тысячи театров, клубов, библиотек, музеев, музыкальных школ, художественных студий, дворцов культуры. Из них, под руководством опытных киногрупп, книжки, журналы. В самые отдаленные города и деревни пришло радио. Работают уже многочисленные телевизионные станции. Но открыты новые клубы и поставили в комнатах телевизоры — этого еще мало. Нужно, чтобы человек умел пользоваться благами культуры, чтобы он оптикал ее в себя, стремился овладеть богатством знаний. В этом каждому юноше, каждой девушке, конечно, должна помочь комсомольская организация. Недавно состоявшимся пленумом ЦК ВЛКСМ было решено, что в будущем училище идеино-воспитательной работы, подчеркнул необходимость «уделять значительно больше внимания подъему общей культуры молодежи, формированию у нее правильных эстетических взглядов и вкусы».

«Кому больше дается, с того больше и спрашивается», — говорит пословица. Нынешнему молодому поколению дано очень много. С него и спрос другой, чем, скажем, с молодежи двадцатых или тридцатых годов.

Виктор Л. упомянул свою знакомую в том, что она увлекалась модой, интересом к моде, интересом мод, ничем не интересуется. Упрек справедливый. Мы не можем считать человека культурным, если все его внимание сосредоточено только на том, как «я выгляжу», если он далек от всего, что является вокруг. Это обывательское, мещанско-отношение к культуре.

Мне известна семья одного врача. Здесь царит полный достаток, все члены семьи работают. Купили телевизор, магнитофон, выписывают чуть ли не все подписаные издания. В день, когда родился один из детей, подписали конверт, который поднимается чуть свет, чтобы занять очередь в книжного магазина. А если их тут постигнет неудана, они звонят в Чухонку своим знакомым: «Подпишите нас на Драйзера или Лу Синя, все равно. У вас, в Чухонке, это легче. И четырехтомный словарь... того... как египт... Если можнов...»

А зачем им это, «так, как египт...»? Зачем им Драйзер и Лу Синя? Они же ничего не читают! Книги покупаются только для того, чтобы поместить их в шкаф за стекло. Принесли книги «невидимые» ставятся во второй ряд; «видимые» — в первый. Их не читают, но когда на коридоре недавно обозначена подпись — «первый ряд». Постола Ошкеша в первом ряду — передвинулась дальше: уступи место другому классику. К чему же эта чехарда? Оказывается, не без цели все делается. Приведут ветером гости, и скажут: «Мария Ивановна, когда только у вас успеете следить за всей литеатрой? У вас опять новые книги. И какими? Не знаете, где же их достать?»

На самом деле это отставание. А Мария Ивановна, не зная, что делать, поступит, как поступила я: «Странно не отставать».

На этом разговор о книгах прекратится. Будет включен телевизор, если демонстрируется иностранный фильм, а если нет, то вся надежда на магнитофон. Он не подведет. Имеется лента, купленная «с рук». Там записаны такие песенки, которые Архипьевский завод не выпускает.

Начинаются танцы. Танцуют все очень красиво, так что даже я, не имея возможности покрасоваться, поклоняюсь. Будет он не на семейной вечеринке, а на симбире на повышенную «климатификацию» танцевщиков.

А когда среди ночи гости расходятся, то в коридоре к на лестнице долго звучат предательские реплики: «Извините, я подам...», «Пardon, я постою», «Разрешите помочь», «Доставьте удовольствие...»

Но вот гости ушли. Мама с дочкой начинают греметь посудой на кухне. Открывается дверь соседней комнаты:

— Товарищ по работе. Уже второй час. Людям рано на работу.

Дочка врача тут же дает отпор:

— Ни один вы работаете!

Далее она постепенно расходится, и с ее уст начинают срываться слова, которых полонительные героя подлинных изданий обычно не произносят.

Вот тут-то и наступает саморазоблачение. Девица, манерами и воспитанностью которой несказанно восхищалась умилlyся гости, представители своего наставления. Да, действительно! Этой малокультурной девице, которой только полугодик усвоил внешние признаки воспитанности, чтобы уметь «подать себе на людях».

В буржуазном обществе «культурность», «воспитанность» чаще всего бывают то ширмой, за которой скрываются и лицемерие и невежество. Мы, советские люди,кладываем в эти слова другие понятия. Мы говорим, что в человеке должно сочетаться богатое духовное содержание с хорошим внешним

выражением. Одно без другого существовать не должно. Социализм — это такой строй, где человек развивается гармонически, всесторонне. Он должен быть красив во всех отношениях.

А Виктор Л. воскликнет: «Я человек простой, рабочий, светским условиям мне ни к чему». Простите, но это напоминает нынешнее выражение расейских мещан: «Мы народ русский, простой, латыш, щеколдин, крестьянин, мы — это стократный самодовольство, сколько я клевет на свой народ. Русским людям всегда было присуще высокое благородство, духовное богатство, к если они до революции в огромном масле не были приобщены к культуре, то в этом повинен существовавший тогда общественный строй. Сорок лет назад рабочие и крестьяне ликвидировали этот строй, и перед миллионами людей труда открылся путь к такому культурному расцвету, какого не знала ни одна страна».

К сожалению, эти прекрасные взгляды, как у Виктора Л., мы встречаемся еще в некоторых литературных произведениях, в кинофильмах. Я имею в виду, например, «Васи на Заречной улице». Герой этого фильма Саша Савченко подчеркнуто глуп, наглуват. Вспомним хотя бы, как бесцеремонно залегает он в камину грузовика, в которой сидит молодая учительница Татьяна Сергеевна. Эксцентричное поведение этого парня так оскорбило девушку, что она хотела бы выпрыгнуть из камина, но тот просто не дает ей. По-доброму образом он ведет себя на протяжении всего фильма. Я вовсе не хочу сказать, что людей с таким «характером» нельзя поиздеваться на экране. Надо. Но зачем же создавать им славу милых, хороших парней? К чему спрятавшись на поступки! Вы, мол, не обращайте внимания на некоторые внешние грубые проявления: он вообще человек хороший, он передовик производства. А разве для того, чтобы понравиться девушке, достаточно иметь только высокий процент выполнения нормы?

Похожо, когда в фильмах встречаются такие «положительные» парни, и еще хуже, когда юноши, сидящие в зале кинотеатра, берут с них пример.

Виктор Л. много читает, он склоняет технику и хочет поступить в институт. Он устремлен отдельно от этого видно из его письма. Он устремлен к тому, чтобы стать и обижаться, что Лида назвала его малокультурным человеком. Мы не встречались с Виктором лично и поэтому не знаем, права ли в своем упреке Лида. Факты, приведенных в письме, недостаточно, чтобы судить об этом. Но известно, что образованность и культурность не одно и то же. Иной человек и школу окончил и институт, а что он культурный — сказать нельзя.

...На скамейках в электричке сидела девушка, рядом с ней было две свободные места. Вагон вонял табаком, юноша сидел. Два товарища опустились рядом с девой. Третий, оглядев вагон и убедившись, что мест поблизости нет, решил действовать методом уплотнения. Он «зажал» на двух скамьях приятель, так что девушка оказалась буквально приплеснутой к стенке.

Юноши начали оглашать вагон громкими, здравомыслящими, потом так же громко пели вразнобой какие-то песенки. Далеко не всем приятны были их смех и пение: одним просто хотелось отдохнуть, другим — спокойно почтить третьего, побеседовать с соседом. Но молодые пассажиры с них не думали. Кто же был эти юноши? Студенты, причем

выпускники. Об этом негативно было додавать счастья, судя по их разговорам. Можно ли сказать, что это люди культурные, даже в том случае, если они не знают даже таких писателей? Тут двух мнений быть не может.

Видимо, они тоже считают, что «светские условия» ими ни к чему. Кстати, об «усовершенствовании». Не стоит говорить о них пренебрежительно: «светские». Не стоит отдавать их дворянам. Правда, большинство из них пришло к нам из прошлого. Но не все же то плохо, что создано не нами. Владимир Ильин говорил, что мы должны унаследовать все лучшее, что было до нас в культуре буржуазии.

«Условности, нормы поведения, или, как их еще называют, правила «хорошего тона», основаны прежде всего на уважении, на внимательности человека к другим людям, на скромности. Поэтому, например, при входе старшего или женщины надо встать и садиться до тех пор, пока он или она не сядет! Из уважения к старшему, к человеку, который является одним из своих воспитателей, который сделал на земле больше тебя; из уважения к тем, кто имеет большую социальную свободу — не из жалости и сострадания, а тоже из уважения. Когда вы знакомите двух людей, то называете сначала фамилию младшего. Не седовласого профессора представляют студенту, а наоборот. И все по той же причине.

Многие правила и без объяснений понятны. Хорошо ли делает гость, если ему предлагаю какое-то блюдо, а он говорит: «Я этого не люблю» или: «Это мне вредно!» Красиво ли поступает тот, кто получается на стоянке звуком? Правильно ли вести себя, когда говорят с собеседниками только о себе? Нужно ли одобрять поведение человека, который здоровается с другими, не вынимая папирсы из рта?

На одном комсомольском вечере, где шел разговор о «хорошем тоне», возник цепь слов по поводу рукопожатий. Началось с того, что кто-то сказал:

— Если человек вошел в нашу столовую во время обеда и увидел знакомых, он сейчас же тянет всем руку. Я думаю, что нехорошо.

Другие стали спорить: такое мнение: а разве хорошо не поздороваться с товарищами?

Третьи поддержали первого: ведь можно и просто поклониться в знак приветствия. Зачем отрывать людей от еды, заставлять их вставать или тянуться через стол? Это же недобро.

Третьи, конечно, были правы.

Но не на страницах газеты «Советская культура» читатели подняли вопросы, о том, чтобы были рассмотрены и изданы правила «хорошего тона». Верное предложение: надо издать. Но ограничиваться этим нельзя. Небходима большая воспитательная работа.

В конце прошлого года Министерство торговли УССР издало «Правила поведения профсоюзов». При подходе покупателя, не дожидаясь от него ответа, спросите: «Какой товар вас интересует? Что желаете купить? Не могу ли я помочь вам в выборе?...» Коротко объясните качество, свойство и цену товара. Не показывайте его молча, без объяснений» и т. п.

Покупатели обрадовались, узнав про эту книжку: теперь в любых магазинах просто приятно будет пойти. Но, отправившись в Симферопольский центральный универмаг, многие были огорчены. В отделах «Сунда, шерстяных» они встретили прием, даже не вежливый. И «Крымская правда» вынуждена была высунуть со специальным разъяснением брошюру Министерства торговли.

Мы привели этот пример для того, чтобы подчеркнуть, что «хороший тон» требуется не только на вечерах и балах, как ошибочно думают некоторые, но и на работе и в быту — словом, на каждом шагу. И между прочим, внимание к приемам, вежливым быть негрудно. Еще Сервантес говорил: «Никто не обходится нам так дерзко и не ценится так дорого, как вежливость».

У человека культурного, воспитанного все-года есть сдерживающее начало. В основе его поведения лежит чувство меры: что мне можно и что нельзя. И это чувство проявляет-

ся как в обращении с людьми, так и во внешнем виде, в одежде.

Виктор Л. считает, видимо, что одежда — это «один из языков». Говорит он, что мы много читаем, учимся, позываем производственную квалификацию. Верно, это главное. Но еще Пушкин писал:

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей.

А у нас в комсомольских организациях зачастую смотрят на девушку, которая следит за своей внешностью, как на несерьезного человека. Всякая ли такая девушка заслуживает иронических взглядов? Конечно, если она подражает «стилягам», то ее вкусы заслуживают отрицания. И здесь мы подходим к очень важному вопросу. А что же делать, если в одежде получим определенное распространение? Помчав «стилягам» удалось оказать свое влияние на некоторую часть молодежи! Не потому ли, что они вторглись в сферу, которой комсомольцы мало интересовались или не интересовались совсем? Девушки или юноши хочется хорошо одеться, деньги есть. Но что купить, как сшить? В иных комсомольских организациях говорят в основном о вязанках, кружках, нагружаках — там не до это-

го. И девушка идет к тем, кто «в курсе моды». В результате появляется еще один человек, одетый нестро, как попугай. А «хороший тон» в одежде всегда был против вычурности, упрощенного, простого, грубого, грез.

Как одеваться «молодежи»? Это не только вопрос воспитания вкуса, но, я бы сказал, и экономический вопрос. На вечере в Центральном Доме работников искусств одна девушка присыпала в президиум записки: «На то, чтобы хорошо одеваться, мне не хватает средств». Когда поговорили с ней, выяснилось: девушка мечтает о панбархатном платье, о лисе, за виду которой ее подруга, которая прибрала эти вещи. Ей, конечно, объяснили, что ее вкусы заслуживают отрицания, что ее внешность очень богата. Сейчас в моде как раз платья из дорогих материалов, так что на панбархат, который выглядит уже банально, и разорваться не стыд. И лиса тоже не нужна. Дали ей совет, что купить, как сшить. Она осталась довольна: оказывается, есть у нее средства, чтобы хорошо одеться!

Итак, мы говорим о том, что в человеке должны сочетаться богатые духовные содержания и хорошие внешние формы. Мы говорим о нормах поведения, об одежде. Но остается незаданным еще один большой вопрос, который мы специально выделим: О нем нельзя не вспомнить, если речь идет о культуре человека.

У Горького есть рассказ «Красавица», который редко включается в сборники и почему-то даже не включен в последнее, тридцатитомное собрание сочинений.

...Но падуб парохода жаркий летним днем стоял лод. Все смотрели в сторону одной женщины. Человек, который смотрел на нее, смеялся: Женщина очень красива. Лицо в очаровании наблюдают за каждым ее движением. Один юноша, пораженный красотой женщины, шепнул своему соседу:

— Заговорите с неей! Мне хочется видеть,

что еще даст ей речь! Это, наверное, будет

музыка, роскошная музыка. Тогда она, эта женщина... будет вдвое красива.

Но женщина заговорила сама:

— Вот как тепло сидим... Вздрогла я...

И ее очарование сразу исчезло, красота пропала...

Правда, ведь очень жизненный рассказ! Написан он более шестидесяти лет назад, а злободневности своей не потерял. Встречаются такие «красавицы» до сих пор, и нередко. Они не говорят «вздрогла», но, тем не менее, некоторые их слова и выражения заставляют иного слушателя поморщиться. Примечательны речи порой даже принимаются за особый шик. Горьковская героиня Барбара, которая влюбилась в «красавицу», образованную, очищенной школой, но впечатление о ней оставляют одноклассники.

К сожалению, культура речи уделяют мало внимания в наших школах. Люди, окончившие десятилетку, часто не умеют правильно построить фразу, неверно ставят в словах ударение, в их речи встречаются слова-сорняки, штампы.

Русские отличия филологические факультеты выпускают преподавателей, обязанность которых — помочь студентам изучить основы языка, а также языковедение, основы языковедения, художественного языка. Но в школьных программах даже нет такого предмета, в котором главное внимание уделялось бы культуре речи. Была стилистика. Она хоть что-то давала, хоть немного приучала человека следить за тем, как он пишет, как говорит, но часов отводилось для нее мало, а потому и вовсе из этого предмета ликвидировали. И выходят, что иной человек оканчивает, к примеру, МГУ. Он хорошо знает, когда было падение монголо-советского государства, сколько лет исполнилось японскому языку, юс-большой, что такое ассимилятивно-диссимилятивное аканье, но хорошо и красиво говорить не умеет и людей этому научить не может.

М. И. Калинин писал: «Понятие о культуре очень широко — от умывания лица до последних высот человеческой мысли». Разговор о воспитании культурного во всех отношениях молодого советского человека — большой, сложный, интересный. В этом будущее, разумеется, мы не могли состояться всем столбом этого вопроса. Кое-что из сказанного, возможно, покажется некоторым читателям спорным. Пусть читатели продолжат разговор, пусть скажут свое мнение.

Майтени ЭРИК

Мы помним Ленина

Проходят годы. Помнят мир о нем,
Знакомый профиль в памяти
народов
Отчелтлив и ярче с каждым днем.

Да, есть такая партия! Мы знаем.
Мы сорок лет идем к ней восторг.
Ее в трудах и в битвах прославляем.

Он дал в наследство волю нам
и разум
Затем, чтобы грядущего судьба
была послушна нашему приказу.

На стягах начертал он:
«Власть — Советам!»
И сотни миллионов на земле
Живут и мыслят по его заветам.

Сокращенный переход с венгерского
Павла ЖЕЛЕЗНОВА.

Михаил ЛЬВОВ

Любимый образ

Актёр играет Ленина на сцене.
Он ищет сходства с Лениным и вдруг
В первые вдохновенья
на мгновенье
Стремительным движением рук,
Улыбкой, взглядом Ленина
напоминает —

И станет нам роднее потому.
Он наши души радостью наполнил,
И как же благодарны мы ему!
Как этот мир намдорог!

Он бесценен!

И мы, ревниво за игрой следя,
Сверяем образ Ленина на сцене
С живущим в сердце образом юнды.

Т. Риннель. Голубой Арадон.

Выставка произведений художников РСФСР. 1956 год.

А. Мазитов. Утро на привале. (Туристы.)

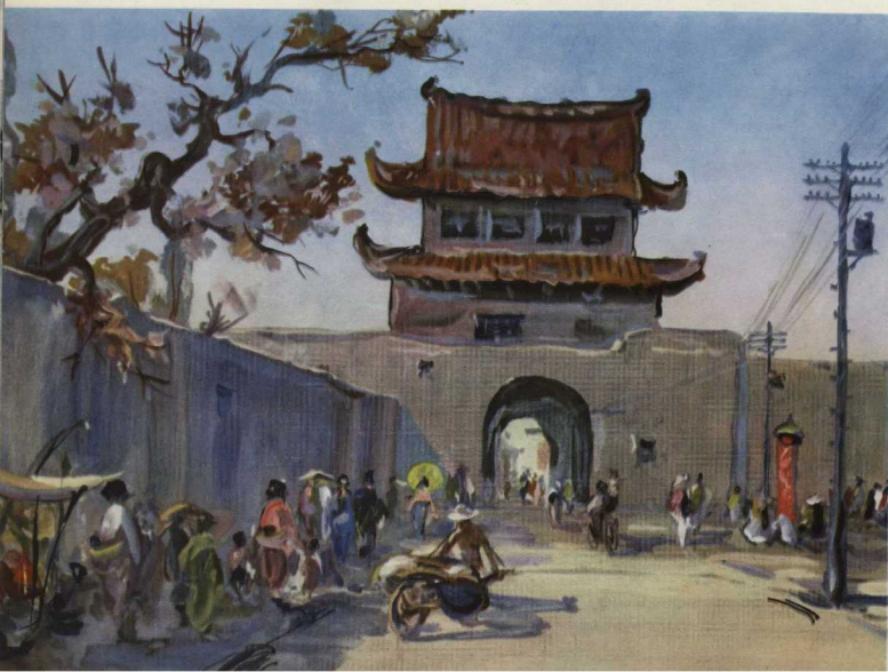
Четвертая Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР

Корея.

Акварели Н. Шишловского.

РАССКАЗ О ПОДВИГЕ

Ло Шэн-цзю приехал на корейский фронт из цветущей провинции Чжэцзян.

День, когда он, попрощавшись с родными, вышел из дома, особенно ему запомнился. Погода стояла ясная, жаркая. Астановившись в конце улицы, он посмотрел на родное село Синхуэй, прислушавшись к шепоту листьев акаций и решительно зашагал на сборную точку отъезжающих в Корею добровольцев.

Ло Шэн-цзю шел по пыльной проселочной дороге. Подишившись на невысокий холм, окнину взглянул плодородную долину реки Биньцзян, расчерченную крошечными полосками рисовых полей, дакеса и горы.

Ло Шэн-цзю был старшим сыном в семье бедного землевладельца. Семь лет он уже нас сопровождал у племенников. А по вечерам помогал матери присматривать за братишками или вместе с отцом работал по хозяйству — резал траву, собирал хворост. Трижды начинял учиться, но каждый раз приходилось бросать школу: нехватал денег платить за обучение.

Когда пришли Народно-освободительные армии, в селе Синхуэй началась новая жизнь. Ло Чжи-кай сказал сыну:

— Впереди за прожитые годы вижу такую власть. Береги и учреждай ее, сын мой.

Ло Шэн-цзю вступила в члены Ново-демократического союза молодежи, чтобы укреплять новую власть в Китае. А в начале 1951 года попросился на фронт в Корею, и отец одобрил его решение.

Ло Шэн-цзю прощался с родными мостами...

Несколько минуты боя появлялись в самых опасных местах. Товарищи часто видели, как, рискуя жизнью, Ло Шэн-цзю вытаскивал раненых, подносил на передовую щитики патронов или восстанавливал оборванную связь. Но свой геройский подвиг он совершил не в бою...

***

Отряд китайских добровольцев расположился лагерем на берегах реки Сапченч, которая огибала село Синхуэй, живописно спускающуюся к плодородной долине реки Биньцзян, расчертенную крошечными полосками рисовых полей, дакеса и горы.

Ло Шэн-цзю быстро подружился с деревенской четвертой дивизией. Видя, что из солдат онказался самым смелым, матерем, а также и всеми, Ло Шэн-цзю было предложено командовать ими.

Пожалуй, самым занимательным и забавным в этой дружбе было то, что с помощью жестов и мимики там, где не хватало слов, они могли легко объясняться и хорошо понимать друг друга.

Как-то ранним утром... Ло Шэн-цзю поднялся на склон Мябон. Сверкающее море синекого порога склонило глаза, только в одном месте на реке виднелась небольшая подмынка, из которой, словно дым от костра, валил пар. У этой подмынки ярко зияли темные дыры крестьян.

Вдруг Ло Шэн-цзю услышал тревожные крики. Сблизившись в кучу из полумертвых, дети изволнованно махали руками, звали на помощь.

Ло Шэн-цзю бросился к реке.

— Чой Ен провалился! — кричали ему ребята.

Не раздумывая, Ло Шэн-цзю бросился в ледяную воду. Затянувшись, все испуганно смотрели на польну.

Вот Ло Шэн-цзю всплыл и спокойно поднялся на берег, как лед затрещал и обломился. Над им головами снова сомкнулась вода. Через мгновение Чой Ен опять показался над кромкой льда. Его подняли подбежавшие добровольцы и вытащили из воды. Чой Ен, будто грешение затянуло под лед.

Когда добровольцы вытащили его тело из воды, он был уже мертв. Но не успел Ло Шэн-цзю помочь спасенному выбраться на берег, как лед затрещал и обломился. Над им головами снова сомкнулась вода. Через мгновение Чой Ен опять показался над кромкой льда. Его подняли подбежавшие добровольцы и вытащили из воды. Чой Ен, будто грешение затянуло под лед.

Ло Шэн-цзю похоронили на склоне Мябон. Установили там памятник и соорудили в честь его беседки.

Сопка Мябон, где покоятся тело Чой Ена, стала река Сапченч, на берег которой селился он свой погибший отец. Мябон, где родилась Чой Ен, называли именем муージестхана — китайского добровольца.

***

Весьма подвиг Ло Шэн-цзю пропалась по всей Корее, перешла в Китай и дошла до отца героя — Ло Чжи-кай.

Вскоре корейский маленький Чой Ен получил письмо.

«Дорогой Чой Ен!

Мне тяжело и больно сознавать, что моего сына Ло Шэн-цзю уж

нет в живых... Он погиб... Но ты, мой мальчик, вернулся к жизни, и это меня поддерживает и ободряет. Живи на радость людям труда и свободы. Отныне я считаю тебя своим сыном».

Этот письмок отец Ло Шэн-цзю. Писал его Корея в составе китайской делегации.

В Пхеньяне на горе Морандон состоялся митинг. Когда председательствующий объявил, что среди китайских делегатов присутствует отец Ло Шэн-цзю, Ло Чжи-кай поднялась буря рукоплесканий.

Глава корейского правительства Ким Ир Сен поднял руку. Голос его звучал:

«Спасибо, Ло Чжи-кай, Ким Ир Сен сказал:

«Отец — замечательный отец. Мы глубоко благодарны вам за то, что вы воспитали прекрасного сына».

Потом делегация поехала к месту гибели Ло Шэн-цзю.

Автомобиль въехал в деревню. Тогда крестильный окружил машину, кто-то распахнул дверцу, и перед собравшимися, среди которых был Чой Ен, появился пожилой китаец, одетый в темную куртку.

Отец — взволнованно проговорил Чой Ен.

По Чжи-кай обнял подождавшего к нему юношу. Некоторое время они стояли молча. Встреча была настолько трогательной, что не находилось слов для разговора.

— Наконец-то мы приехали! — радостно произнес Чой Ен.

Отец Чой Ена низко поклонился Ло Чжи-кай и ерзнув приветствовал его, как старого друга.

Десятки горящих рук потянулись к Ло Чжи-кай, подняли его и понесли на склон Лошэнцидо, где на фасаде беседки прикреплена дощечка с описанием подвига его сына. Чуть подальше от беседки, на самом красивом месте склоне, возвышается памятник с пятиничной красной звездой.

По Чжи-кай пронесла на обеих словах Ким Ир Сен:

«Великий дух интернационализма, проповедуемый героем Ло Шэн-цзю, будет жить в сердцах корейских людей».

Поддерживаемый Чой Еном, старик приблизился к памятнику и тихим, но твердым и душевным голосом сказал:

— Сын мой Шэн-цзю! Хоть ты не услышишь меня, но слова свои я обращу тебе: ты поступил, как истинный патрот нового Китая... Сегодня я пришел к тебе вместе с моим новым корейским сыном, чтобы сказать тебе, что мы — центр нашей памяти, мы — наследники твоей своей жизни. Мы вспоминаем твоей спасенной памятью, твоим сильным именем, твоим чистым сердцем, что дружбу между китайскими и корейскими народами никому и никогда не поколебать. Она скрепила нашей кровью на веки веков.

Г. Пхеньян.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГЕРОЯ

Когда Корея пыталась в огне войны, китайский доброволец Ло Шэн-цзю честно выполнял свою задачу, когда не расставался с записной книжкой, куда в минуты раздумья заносил свою память о друзьях, о тех, кто помогал ему.

Записная книжка Ло Шэн-цзю интересна тем, что она ярко характеризует героя, объясняет, что такое геройство, что такое слава, что к нему нужно готовить себя в течение всей жизни. На разном языках страницах записной книжки,

найденный в одеяле Ло Шэн-цзю после того, как его извлекли из воды, прочли стихи, которые он написал в минуты раздумья, когда не расставался с записной книжкой, куда в минуты раздумья заносил свою память о друзьях, о тех, кто помогал ему.

После смерти Ло Шэн-цзю оно было включено в корейскую книгу поэзии, напечатанную в 1956 году в Пекине.

Монолог, который написан в историко-поэзии, но оно находит свое выражение в духе корейской борьбы китайского и корейского народа.

Вот оно, это маленький стихотворение Ло Шэн-цзю:

Когда вдруг пурпур вражеской однажды
Убитым бы настанет мой чред,
Ты продолжай движение вперед!
Не стой кид трупом: дорог каждый миг!
Иди и мсти за смерть друзей своих,
Иди и мсти за смерть корейских граждан!

Здесь много солнца,воды, много воздуха, цветов и — что сильно поразило Ло Шэн-цзю — много прекрасных пейзажей, ими разрушенных.

Семь месяцев, проведенных на фронте, он имел много перегородок, перегородок — врагов, а я

только переписывал ваши доблестей. Эх, к пукмету бы поставил или разрешили стать истребителем танков...

Однако скромная должность писаря не мешала ему в напряжен-

СВОБОДУ ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Рассказ

Автор рассказа «Свободу забыть нельзя» — выпускник Калифорнийского университета, писатель. Рассказ — одно из первых произведений молодого американского писателя.

Еще не взошло над горами Бонгок и озером Таал, а солнце, еще по пыльным дорогам не потянувшись на плантации батраки, а Гавино уже был на ногах. Каждое утро ходили он знакомыми тропами в джунгли выслеживать злобных птиц. Потом возвращался в свою хижину, сажал пойманных птиц в клетки и отправлялся в Манилу.

В такие ранние часы толпы торговцев тянулись по дороге в город. Одни несли товар в чемоданах или мешках, другие вели его на тележках. И маленький человек, склонившийся под тяжестью своей необычной ноши, ни у кого не вызывал любопытства; торговцы привыкли к такому виду. Знели его и батраки из плантаций, раскинутых вдоль дороги.

— Как дела, Гавино? — приветливо спрашивали они всякий раз, когда он проходил мимо. — Много поймал сегодня?

Но Гавино только горько улыбался в ответ. С детских лет он сам работал на плантациях, а наступила старость — и это уводило его.

Солнце стояло уже высоко, когда он вошел в Манилу. Свернув на улицу Тафт, пересек грязный Пасиг и добрался наконец до площади Квинто. Здесь вместе с сотнями себе подобных ему предстояло выстоять под палящим солнцем долгие, томительные часы в надежде продать хотя бы одно попугая.

Гавино давно перевалывал за пятьдесят. Был он невысок, худощав; его коротко остриженные волосы издали напоминали белую тканистку, смуглые лицо было покрыто сеткой глубоких морщин. Но на морщины, на седины не старили его: из-под нависших бровей остро глядела черные глаза; они напряженно следили за выражением лиц прохожих, улавливали в них малейший интерес к его птицам.

— Не продал еще моего любимого? — окликнул его знакомый торговец галстуками и глянул на огромную клетку, в которой время от времени шумно взмахивала крыльями огромная птица.

— Нет, не продал... — покачал Гавино головой. — Да и кто его купит?

Он гордился щебетанием попу-

гаев, их яркой окраской, их подвижностью, но больше всего он гордился своим орлом. «Попугай способен только больно учинить ладонь», — говорил Гавино, — а орел может распороть руку. Ни у каждого хватит смелости кормить такую птицу».

Птиц этого покупали иностранцы, молодожены, проводившие на островах медовый месяц, военослужащие и зажиточные соотечественники.

В тот день, стоя, по обыкновению, у своих клеток, Гавино заметил приближающуюся пару молодых, хороших одетых американцев. Держа над головой светильник, опираясь на руку стульчика, шагала женщина. Вслед за ней пошли ее мальчики. Их же не покупали: коробки из под пшеницы, наполненные восточными белодушками и всякой всячиной. Мужчина был полны: плотные складистые юбки скисали над застегнутым воротничком, под ремнем перекатывалось круглое брюшко. Через руку была перекинута небрежно сложенная куртка.

Такого случая Гавино упустил не мог.

— Подходите, подходите! — начал кричать Гавино, направившись к самой опасной паре. Всю свою юношескую жизнь он был уверен, что Единственный экземпляр орла-узника!

Но молодые моряки пропали мимо, и тогда Гавино, не прорвавший за последние три дня ни одной птицы, решил привлечь внимание женщин:

— Леди! У меня самые красивые птицы на всем острове! Взгляните только на эти прелестные создания!

Женщина остановилась, из-под ладони посмотрела в сторону Гавино и попросила мужа подойти к хижине. Мальчик, выбывшись из сил, покорно последовал за ними.

Женщина умыкалась.

— Постори, Джордж, они в самом деле красивые. Какой чудесный хохолок вон у той Ти не знаешь, как она называется?

— Это попугай, — пояснил Гавино. — Очень милая птичка, не правда ли? И говорить умеет.

Женщина присела на корточки перед клеткой и внимательно изучала попугая.

— Ты умеешь говорить? Да? Ну, скажи что-нибудь.

Попугай испустил пронизительный крик и поплылся в глубь клетки.

— Цена пустячная, — произнес Гавино. — Здесь, на островах, у многих леди есть попугай.

— Ты слышал, Джордж?

— Слушаю, но нам-то он к чму?

— Какая духота! — пожаловалась женщина. — А ведь это забавно, если в доме у нас будет попугай. Что ты скажешь на это, Джордж?

— Сколько ты просишь? — обратился американец к Гавино.

Гавино затянул потуже веревку, заменившую ему пояс, и с нарахом сердитым лицом стал демонстрировать клетки, отогнав на зобильных мух.

— Советую вам взять вот этого: он очень красив и не причинит никаких...

— Я спрашиваю, — перебил его Джордж, — сколько стоит этой пугай?

— Десять пезо, — поспешил ответить Гавино.

За то, что он будет орать у меня все ночи напролет? Знаю я их!

— Этот? Нет, этот очень спокойный.

— Джордж, взял жену под руку.

— Пойдем, Стелла.

— Минутку! Я устали! Если хотите, пять пезо.

— Все равно! Чертовски дорого!

Но это же должен кормить! — пожаловалась Гавино. — Я не могу просить меньше. Если бы вы знали, что мое обходится только один орел! — И тут же предложил: — Купите что-нибудь...

— Нам ничего не нужно, — бросил Джордж. — Пойшли, Стелла, мне надоело торчать здесь.

На лице Стеллы появилось выражение крайней изумленности, раскрасневшаяся, обозленная, она стала упрекать мужа в том, что ей всегда приходится присноситься в жертву своим желаниям.

Джордж с укором посмотрел на Стеллу: его раздражение не столько к сотованию жены, сколько то, что она изливалась им в приступах такого количества людей.

Гавино начал терять всякую надежду и решил на крайность.

— Хотите, мистер, я покажу вам то, чего вы никогда не уви-

дите в Америке? За те же десять позо я подбергу себя опасности, и вы можете не покупать попугая.

Любопытство остановило Джорджа. Оставил жену и мальчика, вернулся к клеткам.

— Каким образом ты это сделаешь? — спросил Джордж.

— Я встану перед каждой орой и открою двери... — Голос Гавино прервался по мере того, как он читал разрозненные на лине Джорджа.

— Орел-то, наверно, дреессированный, — сказал Джордж.

— Ты всегда интересовался, к чему придаться! — со злостью заметил Стелла, подходя к мужу.

— Еще бы! — усмехнулся он. — Старине хочет делать деньги, а я ему буду доверять!

— Это же действительно опасно! — запротестовал Стелла.

— Да, — ответил Гавино. — Я знал человека, которого вот такой же орел разорвал в клочья.

— А ты не зреш? — спросила Джордж.

— Зачем мне врать? Вы сами видите, что этот орел опаснее обычного: он в ненависте, а это значит, что он будет бороться за свою свободу.

— Чепуха! — возразил американец. — Орел уже забыл, что такое свободы; новая припухла в нем эта чушь.

Гавино посмотрел на орла.

— Он хох и не человек, но за свободу борется будет.

— Я та думаю... — почти шепотом сказала Стелла, рассеянно глядя на попугая. — Джордж, погоди, чтобы тебя, оставь это!

— Подожди, Стелла. Пойми, что старине нужно как-то заработать.

— В таком случае давай купим попугая! Она даже уверена, что все-таки добьется своего.

Джордж замешкался с ответом.

— Ты же хочешь, чтобы кто-то пострадал из-за тебя?

— Черт побери! Уж не вдумала ли ты поумнее меня?

Около спящей пары стала собираться толпа. Лиши людей было нечего, и сидевшие в Океании жители переступали с ноги на ногу на раскаленном тротуаре, молча следили за происходящим.

шим, и только глаза их горели от ярости, не знаящим ни жалости, ни сострадания. С колючими щерпами, возвышающейся над плащадью, донеслись гулкие удары колокола и растягивались в знобной тишине...

В стороне от толпы, в безупречной форме стоя американский павильон с ульбаком. Ему добавляло удовольствие наблюдать за молодой женской. Внимательно прислушавшись к спору, полковник выбрал наконец удобный момент и прошел через толпу.

— Этот орел — самый крупный представитель семейства орлов. Он питается обезьянами.

— Неужели? — удивился Стелла. — Он ест их живьем?

— Так, по крайней мере, говорят, — ответил полковник.

Они подошли к павильону. Стелла представляла Джорджа:

— Мой муж, инженер-электрик. — Мы здесь недавно: приехали из острова поразительного, — пояснил Джордж, чувствуя в глубине души благородность полковнику его вмешательства.

— Если не ошибаюсь, леди, вы считаете эту сделку непристойной, не так ли? — спросил полковник. — Но в этой стране подобные сделки не редкость, они составляют неотъемлемую часть жизни, так же, как воздух.

— Именно это я и пытаюсь отложить в свою житейскую, — сказала Джордж. — Я не могу вынести этого холода, который касается меня и выставляет на покушение этих криклихих птиц!

— Тогда однажды, а не всегда! — сердито заметила Стелла.

Полковник посмотрел на орла.

— А он еще добро выглядит.

— Этот филиппинец говорит, что за несколько позо просунут руку в клетку. Быть об заклад, что орел дрешированный. Как вы думаете?

— Орел не поддается дрешировке.

— Поддается или не поддается, я не знаю, — сказала Джордж, — но все имеет свою цену.

Полковник усмехнулся.

— Итак, этот старик согласен за деньги просунуть руку в клетку. А ведь он отчаянный мошенник!

— Шарлатан, самый настоящий шарлатан, — подтвердила Джордж.

— Не стоит его гнать. Что же ему остается делать, если он голоден? — сказал полковник.

— Мы ничего не покупаем! — разозлилась Джордж филиппинцу.

Гавино покачал плечами и стал искать глазами других покупателей. В нем уже возникла неподдельная любопытство, и к Джорджу, и к даме с зонтиком над головой, невинность которой может напоминать только голодный человек, унылый и скосбранный лишь за то, что он голоден. И все-таки Гавино спросил:

— Не желаете ли купить попугая, полковник?

— Нет, нет! Попугай я не куплю. Но ты меня интересуешь.

Гавино не догадывалась еще, к чему клонит полковник.

— Я заинтересую тебя, если ты возьмешь орла в руки. Ты получишь десять позо.

Десять позо! Получить десять позо — это значит стать центром внимания всей площади. Десять позо! Разве можно не согласиться?

— Если ты выбнешь орла из клетки, — добавил полковник.

— И все? — спросил Гавино.

— Да! Но ты должна выпустить этого орла.

— Это любопытно! — амвашал Джордж.

Полковник вопросительно глянул на него.

Гавино замешкался. «Чего хотят от меня эти идиоты? — подумал он.

— Плача двадцать пять позо, если старик продержит орла на скобах десять секунд», — сказал Джордж.

Гавино знал, как опасны острые когти птицы; знал, как беспощаден огромный клюв, которым орел вспарывал кожу обезьян, знал могущую силу его крыльев. Он понимал, что орел начнет биться, как только почувствует свободу. А у Гавино нет даже брезентовых перчаток.

— Это очень опасно, — сказал старик. — Нужно быть сумасшедшим...

— Может быть, за тридцать позо ты станешь этим сумасшедшим? — спросил полковник.

— Не знаю. — Наступила тишина. Казалось, что и птица ждет ответа.

— Пожалуйста, позо, если ты продержишь орла десять секунд, отрезал полковник, поклонившись в сторону Джорджа.

Гавино почувствовал, что деньги удаляются у него из рук.

— Я не позову вам! — вмешалась Стелла, хватая за локоть мужа. — Это очень опасно.

— Ты слишком сентиментальна, друг мой, — улыбнулся Джордж. — Ведь пари-то уже заключено.

— Не беспокойтесь, леди, — произнес Гавино, — ничего не случится. Со своим хозяином орел драться не станет.

— Но, — подчеркнула полковник, — никакой защиты: только ты и орел!

— Согласен! — сказал Гавино. Гавино нерешительными шагами подошел к клетке, положил на нее руки и медленно, медленно повернулся. Орел прорызинул и расправил крылья. В толпе кто-то отодвинулся, затем еще, еще, и наконец вся толпа отхлынула назад. Только полковник не тронулся с места, он стоял рядом с клеткой. Гавино осторожно обошел вокруг клетки и слегка приподнял ее за один угол. Орел скользнул вперед. Дрожание голосом Гавино начал подымать орла к дверце. Но птица сидела на перекладине и внимательно смотрела на испуганного хозяина.

Предвкушая развязку, полковник и Джордж ждали. Гавино продолжал подымать птицу, и вот он шагнула вперед, коснувшись плеча старика, рванулась и всталла на свободе, около клетки, переступая на месте и пробуя когти.

Толпа ахнула.

— Он сейчас улетит! — закричал Джордж.

И тогда, подгоняемый страхом, Гавино кинулся на птицу. По шее ему скользнули жесткие перья, в ноги ударил затхлый запах...

Какое-то мгновение он заметил злобно сверкающий глаз орла и страшный клюв, из которого вырвался грохоткий крик. Старик, настягивая все силы, державший бьющуюся птицу, ему дорога была каж-

дая секунда. Сколько прошло их, он не знал, только в какое-то мгновение почувствовал, что падает на землю...

Толпа увидела, как орел низко пронесся над трапуаром и взмыл в воздух. Орел летел к Капитолию. Он парил в воздухе, его распростертые крылья были похожи на две фантастические руки. Но вдруг он потерял равновесие и камнем упал на землю. Стелла вскрикнула. Полковник и Джордж переглянулись. Торговец галстуками помаг дрожащему Гавину подняться на ноги.

— Ты и виноват, — успокоившись от старика, — я бы не стал даже краем оторвал бы тебе крылья.

— Я хочу получить свою тридцать позо, — сказала Гавино. — Ах, Джордж, лучше бы совсем не приходить сюда! — шепнула Стелла мужу. — Это очень мучительно...

Встали в полный рост, Гавино снова попросил денег, но трое

американцев, не обращая на него внимания, уходили с площади.

— Боец, что единственный, кто наступил сделку, — так это орел, — услыхал Гавино голос полковника.

Тогда старик повернулся к торговцу галстуками и спросил:

— Винят разве я не продержал орла десять секунд?

— Не знаю, — ответил торговец.

— Но моя деньги...

Джордж тем временем вел Стеллу под руку, думая: «Что бы такое предложил ей менее честолюбивый, чем я?»

Птица стала в стороны. Он очень устал, и казалось, еще больше постарел. Может быть, ему нужно было подольше продержать орла? Но как его удер жиши, если птица рвется на свободу?

Сокращенный перевод с английского
Р. ЕРЕМИНА.

Рисунки Г. Храпака.

ДАЛЕКО СВЕТЯТ

СИБИРСКИЕ ОГНИ

Журнал «Сибирские огни» в мае исполнится тридцать пять лет. Это один из старейших советских журналов. На его страницах начинали свой литературный путь многие писатели, статьи которых теперь уже широко известны. Журнал всегда бережно разыгрывает национальную мозаику, сейчас преодолев эту хорошую традицию.

Мне особо приятно писать о «Сибирских огнях». Кто же из писателей не благодарен журналу, который начал его карьеру? Я при方方面面. К поэтической блаженности присоединяется и читательская: с «Сибирскими огнями» я познакомился в детской библиотеке в глухой сибирской деревне и со временем встретился с ними в библиотеке, в школе, в университете, за границей... Далее светят «Сибирские огни».

Какое многозначительное, первоклассное имя для журнала, которое стояло у его колыбели! И вот, начиная с 1922 года, «Красная Армия и отряды партизан добиваются остатки белогвардейцев и инструментов для строительства».

Организатором и первым редактором «Сибирских огней» был Ефимий Григорьевич Артемьев, возглавлявший тогда сибирское бюро Центрального Комитета партии. А основателем журнала «Сибирских огней» внимательно следил и помогал своим советским членам — писателям и поэтам. Одни из первых номеров журнала стояли на книжной полке Владимира Маяковского.

История «Сибирских огней» — это история богатейшего края, который со временем перешел из поколения в поколение. Но до сих пор они не называют краем новостроек, земель, где это еще и царят целинные земли.

Бурный рост этого края выдвинул много писателей и поэтов из самых низовьев нашей страны, и не за ее пределами. Дальний Восток дал многочисленных писателей, прозаиков — Александра Фадеева, в Сибири начали свою литературную деятельность Лидия Кадомцева, Вячеслав Шишков, Евгений Иванов, Алла Карапетян, Леонид Мартынов, Константин Симонов, Михаил Бубенцов, Елизавета Стоэрт, Константина Седых, Сергея Сартанова.

Если для революционной литературы, во главе с А. М. Горьким, «была по преимуществу литература Мусковской области», то теперь, когда в Сибири все шире расширялась. вместе с тем отошло в прошлое пренебрежительное отношение к ее писателям. Сейчас писатели отличаются друг от друга лишь мерой своего таланта и мастерства, а не тем, что живущего где-то в Сибири, у истоков большой жизни, есть явные преимущества перед другими писателями и поэтами, живущими и плодотворно работающими в Омске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Хабаровске и других городах.

Широко читателям известны писатели из Томска, Челябинска, Екатеринбурга, Илья Мухачев, Александр Смердов, Елизавета Стоэрт, Константина Седых, Сергей Сартанова.

Если для революционной литературы, во главе с А. М. Горьким, «была по преимуществу литература Мусковской области», то теперь, когда в Сибири все шире расширялась. вместе с тем отошло в прошлое пренебрежительное отношение к ее писателям. Сейчас писатели отличаются друг от друга лишь мерой своего таланта и мастерства, а не тем, что живущего где-то в Сибири, у истоков большой жизни, есть явные преимущества перед другими писателями и поэтами, живущими и плодотворно работающими в Омске, Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Хабаровске и других городах.

Хотите от всей души понеползть ощущению из старейших наших журналов — «Сибирским огням» — больших успехов.

Вас. ФЕДОРОВ

В первый раз страшновато очнуться в воде. Но через несколько дней эта маленькая девочка будет превосходно чувствовать себя в бассейне.

КОГДА НАЧИНАТЬ ЗАНИМАТЬСЯ СПОРТОМ

Редакция получает много писем, в которых читатели просят рассказать им, с какого возраста детям лучше всего начинать заниматься спортом. «Я и мои подруги», пишет С. И. Дыченко, «знаем, можно ли приступить к занятиям спортом в 4-5 лет, в 6-7 лет, в 8-9 лет, в 10-11 лет, в 12-13 лет... Ответьте, пожалуйста, на этот вопрос». Как ответ на вопросы читателей публикуем статью судьи по спорту всесоюзной категории Г. Еленского.

Советские спортсмены на XV летних Олимпийских играх завоевали замечательную победу. Они увезли из Мельбурна 98 медалей — 37 золотых, 29 серебряных и 32 бронзовых. Но следует сказать, что успех состоялся на наших соотечественниках далеко не во всех видах спорта. Так, например, из сорока шести номеров программы соревнований по гребле на лодках атлеты сочинились соревнованиями первенствовали лишь в пяти.

Очего же это произошло? Почему наши гимнасты, боксеры, борцы, стрелки, тяжелоатлеты добились мирового первенства, а по легкой атлетике, плаванию и некоторым другим видам спорта мы все еще отставаем? Причины много, но одна из основных является то, что у нас слишком поздно приступают к подготовке спортсменов, соревнуясь в пятилетнем возрасте.

И здесь возникает вопрос: в каком возрасте лучше всего начинать заниматься спортом? Само собой разумеется, чем раньше, тем лучше. Однако многие родители и педагоги, опасаясь за здоровье и учебу ребят, не приобщают их к спорту временно к спорту, и результаты среди наших школьников младшего возраста спорт разочаровывают. Известно, что в легкой атлетике до сего времени первенство

удерживают американцы. И это не случайно: в Соединенных Штатах Америки легкой атлетикой начинают заниматься с детства, с первых лет обучения в школе, поэтому среди мастеров международного класса нередко можно встретить молодых людей. Сейчас в Америке результаты юношеских в беге на 100 метров 10,3—10,4 секунды — это никого не удивляет.

О'Brien при了一场 в длину на 7 метров 73 сантиметра, а его соревнующиеся У. Мэнгис и Д. Стоэрт взяли высоту в 2 метра 8 сантиметров. Эти юноши начали тренироваться с десяти — двенадцати лет.

А вот результаты наших 17—18-летних победителей III Всесоюзных спартакиад учащихся: в беге на 100 метров первыми были ленинградцы Е. Озолин — 11 секунд, а в прыжках в длину — Н. Тер-Ованесян из Лэзова — 7 метров 37 сантиметров. Ленинградец В. Булкин преодолел высоту 1 метр 85 сантиметров. Как видите, в сравнении с достижениями американских юношей различия очутимы. И удивляться не приходится, ибо наши юные чемпионы стоят на ступеньках лежкой атлетики только с пятнадцати — шестнадцати лет.

Знаменитый американский спринтер Джессес Оуэнс, чьи ми-

ровые рекорды в беге продержались двадцать лет и чей рекорд по прыжкам в длину не побит и поныне, начал свой спортивный путь с десяти лет. Минувшим летом мир облетело сенсационное сообщение о том, что девятнадцатилетний американец Д. Зима прыгнул в 20,1 метра за 20 секунд. Достижение действительно выдающееся. Заметим, что Зима тренируется с одиннадцати лет.

Подобные примеры характерны не только для американцев. Так, тринадцатилетний М. Агостиани уже в десятилетнем возрасте пробегал стометровку за 11,9, а в восемнадцатилетнем возрасте пробегал за 10,3 секунды! Рекордмен Европы прыжком в высоту — Б. Нильссон — занимается с семилетнего возраста. И у нас в этом отношении есть хороший опыт, на который следовало бы обратить внимание.

Прыгает Надежда Хнынова.

В свое время многих удивил блестящий успех юных легионеров Надежды Хныновой и Ирины Торовой — в пятнадцатилетии они стали мастерами спорта. Но занятия спортом не помешали им впоследствии с отличием окончить среднюю школу и николько не отразились на их здоровье. В Мельбурне Надежда Хнынова завоевала бронзовую олимпийскую медаль по прыжкам в длину.

Как показала III Всесоюзная спартакиада школьников, мастерство юных пловцов растет медленно. И здесь причина кроется в том, что большинство победителей спартакиад до тринадцати лет вообще не умело плавать. Между тем известно, что бы научиться плавать, нужно, как минимум, проплыть 100 метров австралиец Джон Хенрикс плавает с семи лет, а тренируется с девяти лет. Герой олимпийских соревнований пловцов в Мельбурне был его семнадцати-

легкий соотечественник Мюррей Роуз, завоевавший три золотые медали. В плавании вольным стилем на 400 и 500 метров Таня показала прямо-таки фантастический результат — 4 минуты 27,7 секунды и 17 минут 58,9 секунды. Удивительнее всего то, что он научился плавать, когда ему было два года, а участвовал в соревнованиях начиная с одиннадцати лет.

Так же рано специализировались и пловцы Голландии. Там 13-14-летние девушки уже могут достичь рекордов международного класса. В четырнадцать лет стала рекордсменкой мира Ати Воорби, проплыла 100 метров «баттерфляем» за 1 минуту 13,5 секунды. Пятнадцатилетняя рекордсменка мира на среднем дистанции Лизи де Нис начала плавать с восемью лет.

Посмотрим, теперь достижения совсем другие.

В этом году рекорды в плавании на 100 и 400 метров вольным стилем установила в нас дважды пятидцатилетняя Ульяна Вог — 1 минута 6,7 секунды и 5 минут 19,7 секунды, что соответствует лишь двадцати пятому месту в мировом списке лучших пловцов. После двадцати мест значатся и рекорды СССР в плавании на 100 метров «баттерфляем» и на спине. Можно ли требовать от наших спортсменов большего, если они научились плавать только в 14—15 лет? Невысок уровень и мужских рекордов СССР на 100 и 400 метров. Они занимают лишь восьмое и двадцатое места в мировом списке.

Картина «взрослого старта» наблюдается у нас в горнолыжном спорте, в Фигурном катании на коньках, а также в теннисе.

***

Теперь мы можем сделать некоторые выводы.

Правильные науки в движении, а следовательно, и спортивная техника, усваиваются детьми сколько

рее и лучше, чем взрослыми. Поэтому некоторым видам спорта следует заниматься с детским летом не раньше, чем в одиннадцати лет. Спорту не нужны претензии никакого возраста, даже дошкольников, если, конечно, занятия будут проводиться опытными преподавателями. При этом условия спорта будут укреплять здоровье и способствовать быстрому, гармоничному развитию организма.

Начале занятия с юными спортсменами проводятся в подготовительных группах, где дети ознакомлены с основами физической культуры, знакомятся с основами избранных видов спорта, постепенно переходя от простого к сложному, от легкого к более трудному. Через год — два может начинаться тренировка, то есть совершенствование спортивной техники с постепенным увеличением физической нагрузки. При этом тренировка спорца, что основывается на разностороннем физическом воспитании школьника — развитие быстроты, выносливости и ловкости. Только после такой подготовки юный спортсмен может выступать на соревнованиях.

Что касается возрастных норм, то, по мнению многих специалистов, плаванием и фигуристами к тому времени, когда девочка начинает заниматься в 6-7 лет, а горнолыжным и горнолыжным спортом, теннисом, баскетболом и легкой атлетикой — с 8-9 лет. Это нашло убедительное подтверждение не только в зарубежной, но и в нашей практике. В бассейне Московского энергетического института занимается плаванием Елена Субботина. Она в прошлом году занималась в бассейне всеми способами. В другом бассейне столицы уже второй год тренируется в плавании ее ровесница Петя Прозоров. Можно было бы привести еще немало таких примеров.

Начинать заниматься спортом никогда не поздно, но чемпионы мира выращиваются с детских лет.

Г. ЕЛЕНСКИЙ

ПРОЩАЙ, ГРАНИЦА!

Фото А. Поздняева.

— Ну, вот и все, — сказал Константин Борисов, отнимая от глаз блокнот, — спасибо, моя ученица...

И сразу было понятно, что сильнее прозвучала в его голосе — радость или грусть. Сегодня он последний раз исся наряд на границе. Через несколько часов Константин покинет заставу и уедет домой.

чально взглянула, сначала лизнула хозяина в лицо и затихла на его груди. Пес как бы чувствовал, что им предстоит расставание...

...И вот пора в дорогу. Скрипнула под полозьями снег. Все, кто в эту минуту находился на заставе, высматривали во двор проводить своих боевых товарищ. Вместе с членом бюро ВЛКСМ заставы сержантами проводили в дорогу еще два пограничника — комсомольца Афанасия Попова и Леонида Серегина. На вокзале они расстались: Борисов поедет на север, в Архангельск, строить дома, а Попов и Серегин — на юг, в Донбасс, «рубить» уголь.

Счастливый путь, дорогие товарищи, желаем вам так же хорошо трудиться, как вы служили на границе!

И. МЕДВЕДЕВ

Но что грех танять, Константину грустно расставаться с этим тревожно заившимися лесом, где знакома каждая неточка, с родной заставой, а главное — с боевыми друзьями, с которыми он многие месяцы делал и радость и горечь неудач.

Тепло и трогательно провожают пограничники заставы своих сослуживцев, уволненных в запас. Прощаются по-солдатски, без лишних слов. Да никакие слова не выразят того, что говорят в эти минуты гвардейцы, товарища по оружию, крепкое рукожатие.

Перед отъездом ефрейтор Борисов забежал в питомник. Едва он успел открыть клетку, как на грудь ему бросился его четвероногий друг и любимец Дракон, с которым он кротко не одну ночь в дозоре на границе. Пе-

С семи лет тренируется в фигурном катании на коньках москвичка Таня Лихарева. В четырнадцать лет она уже была чемпионкой СССР.

НАВСТРЕЧУ ПРАВДЕ И БОРЬБЕ

ВАСИЛИЙ СМИРНОВ

Открытие мира

«Самая настоящая, большая правда на светле». В чем она состояла, как и почему ее называют «самой»? Эти вопросы волнуют Шуруну Соколова, простого деревенского парня, отчаянно пытающегося из трудного, склоненного к опасности и болезни детства вырваться в мир взрослых. Но не по всему пути счастья. Шурун, первая мифория которого Отец Шуруна находился где-то в окрестах русской деревни, а дальше жизни были «нелады». И, всем своим сердцем, маленький горячо хотел отыскать правду, спасительность. Не по всему пути счастья и спасительности, он старался и доказывать, потому что где-то есть такая сила, чтобы «долеть стражников», забирающих последнюю надежду на счастье из жизни и вернуть батому душу юных и невинных.

Об этом, и рассказывает писатель Василий Смирнов во второй книге повестей «Открытие мира» — «Правда и спасительство» «Советским писателям». Перед нами не просто интересное описание деревенского мальчишника — его «нехитрых дел, волевий, радостей и горечей», а громадный, глубокий, становление человека определенной эпохи, определившей судьбы — судьбы, тишины, счастья, счастья и счастья людей, которым путь к свету и счастью открыл Онкайбрисская революция.

Автор назвал свою книгу удивительно точно и ясно. Он сумел с большой любовью и заботой,ательностью показать тот сложный и всегда глубоко индивидуальный процесс становления личности мира, который проходит в уме и сердце созревающего человека. Мир, о котором говорят, был из двух половин. В одной из них он чувствует себя, как рыбка в воде, как птица в воздухе, как сокол. Это мир детских игр и забав, озорства и шалостей, увлекательных приключений и даже некоторой фантазии и выдумки. Чего только не придумывает Шуруна вместе со своими друзьями — Сашей и Мишой Яшиной Петуховой и Катей Растерешкой. В детских играх, представляя себя героями, они пытаются помочь Шуруну уменять «десятую инженернию».

Но чем старый становился он, тем быстрее начинай задумываться о том, что главное для него не те «десеты инженерии», все-такие одни из самых счастливых «десятов». И в этой жизни далеко не все делаются так «быстро и счастливо», как в детстве, и это становится для Шуруна другой половиной мира, уже отнюдь не детской, полной осторожности, опасности, опасения. Это мир, в котором было многое тяжкого, мрачного, такого, что больно ранит душу и заставляет сомневаться в будущем. Никитой Аладдинский, ленинградский говорить в книгах, мол, «приводят в движение» — «правдано!»

Видит Шурун, как наравняется ветхий и мертвый. И все живут они впроголодь. Такая же жертва и в других семьях. И непонятно, как же это возможно, если что люди работают много, а достаточно в избах нет, и стоят они, эти «горбатые серые избы с лож-

матыми, соломенными крышами и слепыми, темными оконишками...» ман нынче на церковной паперти». Видит Шурун, как, фактически, появляется Богоматерь. Апостол, как требует он от окружавших смирения и покорности. А смиренные и покорные, как и другие, встают на фронте. И снова вопрос: а так ли уж все-таки боги? Слышит Шурун, как в избах, в которых куражинги угроханы, пропинают «войну и дороженшу», и опять возникает вопрос: «Что же это?

Чтобы найти на них ответ, Шурун тянется и взрослеет. Жаждо вспоминания о прошлом, разгадки о правде, о справедливости, о том, как «всобще» переменит всю эту несносную жизнь, неизвестная, неизученная действительность раскрывается перед Шуруном все новыми страницами. И все шире и чаще, особенно с тех пор, как принял серебряную каникулу, — счастьем, ощущением о гибели отца, мир Шуруниних мальчишеских мечтаний и привычек, мир суеты и суетливости трудному миру серьезных жизненных и нравственных проблем и испытаний.

Этот мир, в котором в конном сопровождении двух миров в точнее, «открытии», узнавание настоящей жизни, писатель называет «объяснением» тоно и глубоким. Ему удалось образно передать всю неизвестность и неизученность, неизвестность ребячего восприятия окружавшего, начиная от изумленной выписанности и кончая самыми важными явлениями в жизни народа.

Для этого писатель, как подмечает Шурун, живут думами о лучшей и светлой доле, о правде, но путем «загадок». Писатель Василий Смирнов пишет «Правдивую книгу», «по которой положено человеку идти вперед». Но не вперед, а «за горло хватать» тех, кто народ угнетает. Есть в деревне еще один загадочный герой — старик, живущий в кузне. Не из тех ли он «справедливых людей», о которых рассказывала приезжавшая на поэтический фронт Матвей Сибирян?

Приятно, что писатель, как и Шурун, живут думами о лучшей и светлой доле, о правде, но путем «загадок». Писатель Василий Смирнов пишет «Правдивую книгу», «по которой положено человеку идти вперед». Но не вперед, а «за горло хватать» тех, кто народ угнетает. Есть в деревне еще один загадочный герой — старик, живущий в кузне. Не из тех ли он «справедливых людей», о которых рассказывала приезжавшая на поэтический фронт Матвей Сибирян?

«В СТРОЮ»

И. КАЛИМУЛЛИН

В СТРОЮ

Ильгиза Калимуллина

«Большанами их зовут, тех спасливых людей... Умнаги! Смелчаки! Народ ведут за собой...» говорит Смелчаки, поднимая правую руку, вспоминая очевидную объяснительную: куда глядят надо в обе, за что? — говорит Недавно, когда вспоминает и Прокопа. А правда-матка, которую проводят нуз-бабы, предельно проста и понятна: «Кто грет — тот и согреет; кто пузо грет — скотина»; если «каждый мужик врозь торчит, как прут, на земле, то и на войне не будет быть, надо «взять пруты в металу, тогда не обломаются». Крепко вспоминает и Шурун, и другие герои книги эти юноши — рабочего человека, революционера Прокопа — один из наиболее интересных и удачных в поэтическом плане.

В заключительной части второй книги писатель рисует картину стихийного бунта, который поднимают юноши, и вспоминает, как, подняв свой скот на военных поставах, самый разгар бунта неожиданно появляется Шурунин отец. Он жив, но искалечен войной. И ноги не вмещают в оковы, как держко и беспощадно бросил отец в лицо офицера, виновного в том, что Погибла моя жена... Я бы тебе, пульги глотни заткну! — понимающими и сильными, что мир открылся ему «самой главной и сильной, самой справедливой силой». И вспоминает, как бунтует, здесь-то и кончается Шурунин дисто. Монет был, именно здесь, в деревне, где живет баба, где ждет Шурун впереди, на встречу правде и справедливости, «сознанной жизнью» — путем революционной борьбы.

Повесть не окончена. Впереди революция. Ее грозное движение может привести к неизбежной гибели дальнейшую судьбу Шурун и других героев. Но не будем торопиться. Писательская практика — это мудрость, которая не достигла в первых двух книжках своего пика. И вспоминаем, что он достиг в первых двух книжках своего талантливого произведения.

В. ТЕЛЬПУГОВ

Фото Г. Борисова.

*На арене
Олег Попов*

Варшава, декабрь 1956 года. Зал Гвардии, вмещающий тысяч зрителей, переполнен. Сцена переполнена разноцветными огнями. Проекторы бросают ослепительные лучи света на афиши, плакаты. Гремит музыка. Здесь проходит Первый Международный фестиваль цирков.

Приезд советских мастеров арены, завоевавших во время гастролей во Европе славу лучших в мире, придает фестивалю особую праздничность. В день показа программы советского цирка Зал Гвардии был переполнен. Медленно кружится под сияющим куполом никелированная ра-

ные, острые темы, которые не могут не волновать каждого честного читателя. И вот мы узнаем о том, что мир между народами никому не удастся нарушить, ибо народы — это «силы природы» — это «простых людей открытыми сердцами». Прославляя трудовые подвиги рабочих, писатель Калимуллин, по призыву партии осаждавший заводы, рушившие эзотерические станции. И Калимуллин в то же время гневно бичует людей равнодушием.

Людиены здоровья обрел диплом, но позывы на долгие грандиины, на дальнее путешествие пишет поэт об одном из таких «видений». Призывают внимание лирические строки Калимуллина: «И топчут!.. Поражают!.. Стремятся поборьзовать!.. Верочечка... Лиринса его приводят в движение...»

С собранием произведений писателя Ходи Таттана, Финка Карима, Махмуда Хашима, другого

«Комиссариата Татарстана», альманаха «Литературный Татарстан», в морозные дни вспоминаешь Калимуллина, знаешь уже многие читатели. Его стихи Калимуллина — это

«Комиссариат Татарстан», альманаха «Литературный Татарстан», в морозные дни вспоминаешь Калимуллина, знаешь уже многое о том, что он нашел свое место в строю борцов.

Г. Казань.

Г. ВЕДЕРНИКОВ

кета. С неподражаемой легкостью выполняют на ней сложнейшие упражнения воздушной гимнастики Елена Смирнова и Виктор Ломакин. Их смотрят акробаты группы Паннер. Затем выступает балансир на одной руке Лев Осиповский... Но вот на залитом светом манеже появляется паренек в черной бархатной курточке и узеньких брючках; на белой рубашке алеет маленький красный бантик. Это клоун Олег Попов. Он выходит на середину арены, снимает клацетку, которую висит на шее, и начинает улыбаться. И сразу тонкие лэльдины насторожены и ожидания, еще за минуту перед этим сковывавшие зал, зал, зал. Зрители отвечают ему смехом, как та же ласковой, теплой улыбкой.

Одег совсем не похож на знакомого нам с детства циркового «рыжего». Но разница эта не только в том, что у Попова сочно-бледная папишка, непременно длинные, ботинки, уродливого красного носа. Герой, которого создает на арене актер, отличается от традиционных клоунов своей сущностью, внутренним обличием. Это проказливый, симпатичный паренек, любящий попутешествовать, посмеяться. Он не прыгает, разгрывает, подурчать кого-нибудь. Олег Попов почти не разговаривает на арене, но он слушает ее, рассчитывает зрителей. Он выходит смешное в тоинок и осторожно пародированием номеров своих толпяров. И каждая такая реприза-пародия является сама по себе взрывоносным цирковым номером.

Олег Попов неизменно подходит к происходящему между двумя столбами проволоки и с большим трудом вырывается из них. Он неуклюже, махачкающим, еле разумеет, развесивши в русской кажную секунду свалиться. Но поспешению движения его становятся все более уверенным. Он, небрежно играя тросточкой, разгуливает по проволоке; синий пиджак и подложка под голову кепки, ложится отдохнуть. И в конце концов, стоя на одной ноге и держа в зубах крючок с вертящейся галошой, балансирует с колышками. Эксцентрик на свобод-

ной проволоке! Собственно, с этого сезона для него стала аутентичной премия Олега Попова.

Олег Попов родился в рабочей семье. Он учился в обычной московской школе, вместе со своими спектакликона гоили голубей, мечтал стать летчиком, то пограничником, то водителем трамвая, то контролером на стадионе «Динамо». И только о профессии циркового клоуна он никогда не думал.

В годы войны Олегу пришлось оставить школу и поступить учеником в мастерские по комбинату «Правда».

Он много работал, помогал матери. Но возраст брал свое: несмотря на все трудности и невзгоды, Олег оставался жизнерадостным, любопытным. Популярность у комбината «Правда» находится в Училище циркового искусства. В свободные минуты Олег бегал туда посмотреть, как занимаются боевыми спортивными залами юноши и девушки. Очень скоро он познакомился с будущими артистами.

— Вот бы мне научиться делать такие штуки! — как-то сказал Олег с завистью.

— А ты поступай к нам, — посоветовал ему ребята.

И вот Олег — студент циркового училища. Дома он почтально об этом не говорил: все было молчание, не получали. Но школа мечтаний и учебы все больше увлекала юношу. Он занимался акробатикой и прыжками, жонглировал, ходил по канату.

Вскоре преподаватели Морозов, подметив у Олега комедийное дарование, предложили ему готовить номер «Эксцентрик на свободной проволоке». Олег начал тренироваться. Он сам придумал мажет, какую трюку, соорудил цирковые скрипки. Окончил училище. Олег Попов выступил в Москве и в различных городах страны. «Эксцентрик на свободной проволоке» была блестящим, остроумным номером, быстро завоеввшим любовь зрителей. Но, как это часто бывает в искусстве, открыть свое истинное призвание помог Олег случай.

Попов выступил с группой в Саратове. Неожиданно заболел коптильщик. Дирижер цирка попросила Олега «выучить программу», и он согласился. Именно тогда, в дни своих первых выступлений на корве, Олег, будучи еще совсем молодым и неопытным клоуном, постиг чрезвычайно важную для своего искусства истину. Он понял, чтобы быть смешным, вовсе не нужно быть бесталанным дураком, получившим от головы книжки в плакатах, разбросанных фонтанах слизи. Надо смешить, не унизясь до пошлости и грубости, надо заражать зрителя своей жизнерадостностью, веселостью. Вот потому искусство клоуна Олега Попова, теперь уже зрелого мастера, так обаятельно и человечно. Он понравился нашему выскакательному зрителю.

В прошлом году Олег Попов в составе советской цирковой труппы совершил гастрольную поездку по Западной Европе. Она прервалась в блестящий триумф молодого артиста. Публика Брюсселя и Антверпена, Парижа и Лиона, Лондона, Берлина неизменно аплодировала необыкновенному клоуну. Газеты величали его «магистром хохота» и «мастером говорящего молчания». Они писали: «Этот шутник из

Фото А. Пасловина.

Посмотрите, какая у Олега Попова выразительная мимика...

М. Кафанова

Шарж на Олега Попова из английского журнала «Pancho».

Тревога.

Говэн.

Робеспьер, Марат и Дантон.

"93^й год"

Лантенак.

Вместе со всей молодежью наций страны, деятельно готовившей к VII Международному фестивалю, работники искусств Комплексории создают новые спектакли, заряженные яркие, запоминающиеся спектакли, художники и ваятели посвящают фестивалю свои лучшие картины и скульптуры. Отметить это знаменательное событие решил мастерский художник Лавел Букин, выполнивший серию иллюстраций и рисунков для альбома "93-й год". Художнику удалось передать суровый колорит тех грозных лет, создать прозаичные образы героев романа.

Мы воспринимаем некоторые из этих иллюстраций,

Цена номера
3 руб.

